Желько Гаргаї

ДАКЕДИ БУЛО

Желько Гаргаї
Дакеди було

Желько Гаргай – **Дакеди було**
Željko Harhaj – **Bilo je jednom**

Видаватель – Nakladnik
Союз Русинох Републики Горватскей – Savez Rusina Republike Hrvatske

За видавателя – Za nakladnika
Дуравка Рашлянин – Dubravka Rašljanin

Главна и одвичательна редакторка – Glavana i odgovorna urednica
Вера Павлович – Vera Pavlović

Вибрала и ушорела – Odabrala i uredila
Любица Гаргай- Ljubica Harhaj

Лектор – Lektor
Мария Вулич – Marija Vulić

Рецензент – Recenzent
Зденко Бурчак – Zdenko Burčak

Илустрациї – Ilustracije
Любица Гаргай – Ljubica Harhaj

Компютерски обробок – Računalna priprema
Друкарня Солдо Вуковар – Tiskara Soldo Vukovar

Друкарня – Tisak
Друкарня Солдо Вуковар – Tiskara Soldo Vukovar

Друкованє помагаю – Tiskanje potpomažu
Совит за национални меншини Републики Горватскей и Цертис д.о.о.
Savjet za nacionalne manjine Republike Hrvatske i Certis d.o.o

Тираж – Naklada
300 прикладнїки – 300 primjeraka

ISBN 978-953-7767-26-6

CIP zapis je dostupan u računalnome katalogu Nacionalne i sveučilišne knjižnice u Zagrebu pod brojem 001142607

Желько Гаргаї

ДАКЕДИ БУЛО

П Р И П О В Е Д К И

Вуковар, 2022. р.
Vukovar, 2022. g.

П Р Е Д С Л О В О

Приповедки хтори пред нами написал сом слухаюци старших людзох хтори векшина уж нє медзи нами, а на тим швеце прежили свой живот на лєм себе специфични способ.

Тераз кед сом уж у узретих рокох и кед сом дошол до власного компютера, та, як ше гвари, „бавяци“ ше на нїм, а зоз жаданьом направиц добре дїло, надумал сом призначиц тоти запаметани приповедки и у нїх рижни судьби и дожица хтори сом як мали и кус векши слухал од людзох, а же би дацо од тих дожицох з їх живота остало за будуци поколєня.

Хто тоти приповедки будзе убудуце читац най да суд о нїх, та най их спрам того суду лєбо запамета и преноши их далєй, лєбо най их забудзе, од дзеки му!

Автор

I

БРИҐА ПРЕ ДЛУСТВО

Жили мац и син сами у обисцу, бо им оцец погинул у войни. Сами жили роками. Син роснул и кед дороснул за женїдбу нашол себе и дзивку, та го мац оженєла зоз дзивку хтору сцел и любел.

Тидзень по свадзби почал жену керовац, мацер тиж, а сам днями блукац койдзекадзи по валалє. Супруга му вше частейше дома плакала, мац ше пре нєдобре у обисцу вше баржей бриґовала же цо ше то прейґ ноци стало. Перше подумала же виновата нєвеста, та ю надумала послац дому ґу своєй мацери, алє нє мала шмелосци.

Подумала и на сина, же чи можебуц себе нє нашол другу, а бої ше повесц. У себе вельо койчого думала, алє нїкому нїч нє виповедла.

Пришла ноц, та пошла спац. Тей ноци пришло єй до сна же єй задумка нєдобра, бо можебуц за шицко виновати єй син, нє муши буц вше винована лєм нєвеста.

Як шнїла, так роздумала и ютредзень, та поволала сина ґу себе на розгварку. Питала ше му же цо ше то зоз нїм стало, чом занєдзбує супругу, чи ю можебуц вецей нє люби и кед же так, нач же ше вец зоз ню оженєл.

Син мацери гварел же люби свою жену, алє же ма други барз вельки бриґи. Кус-покус и признал мацери же ище досц пред свадзбу залєзол до велького длуства хторе думал же годзен враціц. Днї преходзели, пенєжу нїодкадз и тераз му гварели, тоти цо им є длужен, же чеканю пришол конєц. Кед по конец мешаца нє враци длуство запаля му хижу, його забию и то будзе випатрац як нєщешлївши случай. Прето бул барз застарани и нє знал цо робиц, и

як своєй жени пред очи висц.

Мац го похопела, гоч ше могла зоз нїм и вивадзиц. Гварела же му поможе назберац пенєжи же би врацел длуство, алє най убудуце меркує цо роби, ша уж є оженєти чловек.

Так и було. Мац му помогла та намирел длуство, врацел ше ґу своєй жени и потим вше трезбо роздумовал же цо, дзе и як роби, же би ище раз нє направел таку гришку. Зоз жену потим мал фамелию и жили щешлїво вєдно по конєц живота.

НЄСТВАРНА СТВАРНОСЦ

На концу вароша у малючкей хижки жила млада пара зоз своїм малючким сином. Оцец барз крашнє шпивал и грал на гушлї. Мац нє робела нїґдзе окрем по обисцу и ховала малого сина.

Кед син мал три роки, за родзени дзень му оцец купел гушельку, обачуюци же син каждодньово ґрабе його гушлю, же би ше зоз ню бавел. Хлапец ше гушельки барз зрадовал и понеже гушелька була лєм його, на нєй каждодньово грал.

Преходзели им днї и роки у мире и злагоди. Як ше часто зна повесц же чорт нїґда нє шпи, так нє спал анї з тей нагоди. Кед хлапец мал осем роки мац ше му похорела, живот єй вишел на цверенки. Мац ше лїчела, оцец грал и шпивал у ресторанє и витримовал фамелию, а по роботи вше на час приходзел дому ґу наймилшим.

Єдного дня мац наварела и порихтала полудзенок як и звичайно, та чекали оца же би вєдно полудньовали.

Оцец пожнєл годзину, два, три... Уж ше застарали дзе є так длуго, кед им на капурку пришол полицай повидомиц их же оца преґажел авто, же є мертви. Помогнуц ше вецей нє могло, лєм поховац оца и готове.

Поховали оца, а мац и син предлужели жиц як знали и могли. Хлапец роснул и помагал мацери кельо и як могол. Кед мал дзешец роки умарла му и мац, та поховали и ю.

На хованю ше сушедство и цале место хлапцови зарекали же го шицки буду допатрац и помагац му покля нє одрошнє. Так було на хованю, а ютредзень шицки забули обецане. Хлапец остал жиц дома сам, єдол кеди цо и як мал. Пришол раз и дзень же остал цалком гладни, та мушел думац же цо и як будзе далєй. Здогаднул ше же там дзешка у куцику виши гушля од його покойного оца, та же би можебуц нє було подло попробовац на нєй грац и так заробиц даєден динарчок, же би голєм нє бул гладни. Нашол оцову гушлю и пробовал на нєй грац. Гранє му добре ишло, та єдного рана пошол до центру варошу, шеднул, опрез себе положел свой калапчок и почал грац. Грал крашнє, а и же го дзепоєдни сановали як широтку, у його калапчку було вше дробни динарчки, та мал вше тельо за наєсц ше.

Преходзели му там днї, мешаци, блїжел ше му и осемнасти рок. Преходзаци тамаль єден пан чул як леґинь барз крашнє грає и шпива, застановел ше, та ше му опитал же прецо ту грає и шпива, на цо му тот одвитовал же є широтка, та же кед би тото нє робел же би умар од гладу. Тот пан ше му представел як менаджер и гварел же му вон да роботу шпивача, та же му будзе добре. Леґинь пошол зоз тим паном и почал шпивац по ресторанох и бул барз щешлїви.

Вечарами шпивал як и звичайно, а кед госци почали вечерац, гудаци направели паузу. Под час паузи єдни госци поволали шпивача за стол же би вєдно з нїма вечерал. Так док вечерали за око му запла єдна дзивка за столом. И нє лєм вона йому, алє и вон єй. По вечери ше вони двойо пошли прешейтац и гам догварели сход и за ютре, а так було з дня на дзень. Вон мал двацец, а вона двацец осем роки. По одредзеним чаше обецали ше єдно другому. Кед уж до того дошло, вона тоту тайну гварела своєй єдиней шестри, алє то требало повесц и родичом. Перше гуторели мацери професорки, алє як повесц и оцови официрови?

Леґинь и далєй шпивал, а кед ше врацал дому з роботи, вше преходзел и коло места дзе дакеди шпивал. Тераз там шпивал уж други хлапец хтори тиж так грал на гушлї як и вон дакеди.

Хлапчикови людзе до калапчка руцали дробни пенєжки. А вон му вше до калапчка уруцел паперови пенєж. Мали гудак тото замерковал та становел леґиня и опитал ше му же чом му вон єдини до калапчка уруцує паперови пенєж, кед други людзе таке нє робя. Леґинь му одповедол же вон єдини зна же як то шедзиц и грац на тим месце, прето же и вон пред даскелїма роками ту шедзел и грал. На концу ше хлапчикови опитал же дзе вон шпи. Хлапец му одвитовал же шпи ту нєдалєко под мостом. Леґинь го поволал до свойого дому же би вєдно жили.

Так през дзень грали кажди на своїм месце, а кед були геверни єден другому приповедали же цо нове дожили на роботи. Єдного вечара приповедали и о дзивки хтору старши з нїх упознал у ресторанє и хтора ше му барз попачела. Хлапец му гварел же би и ю требало ту привесц, же би их було тройо. Леґинь хлапчика послухал и пошол на догварени сход зоз дзивку. Медзитим, врацел ше дому застарани бо вона на сход нє пришла.

Ютредзень му на роботу до ресторану пришла дзивкова шестра и принєсла му писмо. У писму писало же є замкнута, алє же озда даяк година на нєдзелю сцекнуц зоз обисца, та же ше за ньго и ода, кед ю вон сце. Вон єй одвитовал же ю сце и же ю будзе чекац на догвареним месце.

Дома були щешлїви обидвоме и чекали нєдзелю кед и вона придзе же би були шицки вєдно.

Пришла и нєдзеля, пришол и вечар, алє вона ше нє зявела. Були смутни обидвоме.

Ютредзень през варош одгукла вистка же дзивку мац, кед ю внєдзелю одомкла же би ю поволала на полудзенок, нашла умарту прето же єй шерцо препукло од превелького жалю.

БРИҐА У ОБИСЦУ

Жили у обисцу мац и єй мали син. Син мацер вше слухал, гоч ше му тото дзекеди и нє пачело.

Прешли так велї роки и мац надумала же би сина требало оженїц. Тото му єдного дня нєздобачки зоз такима словами гварела – Знаш сину мой, одроснул ши та сом надумала же бизме наютре пополадню пошли питац за це дзивку за жену – и гварела же хтору.

Синови ше тота мацерова задумка нє пачела, алє як и вше по теди, мацери ше нє шмел спроцивиц. Нє шмел єй повесц же ше йому пачи друга, а нє тота цо му ю мац вибрала.

Думал цо тераз зробиц и после длугшого роздумованя надумал же навечар пойдзе до валалу и до рана ю приведзе дому. Здумане до рана и зробел.

Кед мац рано станула и нє нашла го у його посцелї, заста-

рала ше же дзе би могол буц, та го глєдала. Кед о даскельо годзини случайно вошла до лєтней кухньочки, нашла го як там шпи. Найгорше за ню було тото же там нє спал сам. Ище горше було же зоз нїм спала нє тота цо ю мац пожадала за свойого сина.

Такой енки ю почала виганяц зоз обисца, алє ше єй то нє удало. Син и нєвеста, хтору нє сцела так анї наволовац, барз ше любели и вєдно ше тримали, так же им вона нє могла нїч.

Медзитим, и тому раз пришол конєц. Нєвеста ше спаковала и рушела ґу капурки. Щешлїва швекра почала ше радовац и кляпкац з руками же ше єй удало вигнац ю на вики. Алє тото єй вешелє нє тирвало длуго, лєм тельо покля и єй єдини син нє завар за собу капурку.

У тей хвильки єй нє було шицко єдно, медзитим наздавала ше же ше син предума, та же ше враци дому назад.

Прешли так тижнї, мешаци, роки, а о єй синови нїяка вистка нє сциговала. Син там у далєким швеце у злагоди и любови жил зоз свою жену и з їх єдину дзивочку.

За свой двацец треци родзени дзень дзивче пожадало и од оца глєдало же би ю конєчно одведол там одкадз вон походзи, же би видзело їх хижу и у нєй свою бабу.

Оцец єй тото жаданє о кратки час и виполнєл. Кед пришли назад до оцового краю, до бабовей хижи, у хижи нашли хору и стару бабу, хтора уж анї бешедовац нє могла. Єдину унуку теди перши и остатнї раз видзела, а о кратки час ше и видихала. Єй найблїзши ю ютредзень поховали и ту остали жиц по конєц свойого живота.

СУЧАСНА СКАЗКА

У остатнєй хижи на окраїску жили оцец и мац зоз дзивчецом, хторе нє було таке мале, була то уж млада дзивка.

Оцец був барз строги, та свою дзивку нє пущал до дружтва и вше тримал очи на нєй.

Мац, думаюци же є уж одроснута, єдного красного предполадня послала ю до валалу, до дутяну покупиц потребне за обисце. Одходзаци до дутяну, каждому кого драгом стретла крашнє поздравкала и предлужовала далєй.

Стретла ше и зоз єдним леґиньчком, єй парняком. У хвильки стретаня шерцо єй баржей залопоцело. Поздравкала и йому як и другим хторих стретла и сцела го заобисц. Леґиньчкови шерцо тиж баржей залопоцело патраци на ню, та ше єй нєсподзивано опитал же як єй мено и дзе бива. Гварела му мено и же бива у остатнєй хижи на концу валала. Швидко го заобишла и предлужела

далєй. У дутяну покупела цо мала покупиц и знємирена ше врацала дому.

О дожитим цо ше єй случело док ишла до валалу нє жадала роздумовац, а поготов нє сцела споминац пред мацеру. Гоч цо того дня по обисцу робела, иста думка ше єй круцела по розуме.

Прешли єй и даскельо днї зоз думками на красного леґиньчка. Преходзаци по дворе, прейґ нїзкей капури, на драже, нараз го обачела. Шицко зохабела и нєроздумуюци же чи ю одакаль нє провадзи оцово вше будне око, пошвидко ше нашла на драже, праве у рукох того о хторим тельо остатнї даскельо днї роздумовала.

У страху же би ше нє нашли дакому на очох, швидко го поцагла за собу до гущави за хижу. У гущави були спокойни же су скрити од нєжаданих попатрункох дакого нєжаданого, а окреме од попатрункох єй строгого оца.

Сходзели ше у гущави каждодньово през цале лєто и єшеньски днї. У медзичаше ше полюбели и пожадали буц подполно интимни. Було лєм питанє хвильки и дзе то покончиц, понеже у гущави за хижу пре єшеньски дижджи и молгу уж було жимно и мокро. На концу вона здумала же то будзе найлєпше покончиц у пиньвици, у дворе.

Порадзели ше же навечар док родичи пошпя, вона покрадзме видзе вонка, а вон ю причека. Порадзене було истого вечара и покончене.

Сходзели ше вони у пиньвици вечар за вечаром и думали же нєт конца їх щесцу. Медзитим, нє було так. Понеже вон був у валалє наднїчар хтори ше з яри доблукал хто зна одкадз, так позней єшенї тиж скапал и на догварени сходи вецей нє приходзел.

З часом вона на ньго скоро забула, алє на шицко єй пришла нова бриґа. Преходзели мешац, два, три, а єй виоставали мешачни циклуси. Застарала ше же чи є нє дай Боже, дацо нє хора, чи можебуц и нє умре.

Єдного предполадня док зоз мацеру рихтала полудзенок, престрашена у думкох о своїх бриґох попоносовала ше мацери. У

бешеди мац швидко похопела о якей ше хороти роби, та дзивчецу гварела же най ше вона нїч нє стара, же ше од тей хороти нє умера, алє же о тим муши повидомиц оца.

При полудзенку, кед були вєдно за столом, мац гуторела оцови о дзивковей „хороти“ . Похопююци о чим ше роби, оцец по полудзенку у цихосци, нагнївани вишол вонка. Нука нє уходзел до вечара, а и шлїдуюцого дня по полудзенок застарани ходзел по вонку. При полудзенку гварел мацери же ма дзивчецу спаковац зайду и же ю вон одведзе до своєй шестри до варошу. У варошу ма остац по народзенє дзецка.

Мацери гуторел и же дзецко хторе ше народзи муши дац до широтиньцу, та ше дзивка аж вец сама без дзецка зошме враціц дому.

Мац послухала и по оцовим розказу попаковала дзивчецу зайду. Оцец дзивче ютре рано одведол до шестри у варошу. Кед сцигли до варошу, було барз жимно, та драгом премарзли. По приходу, оцец наказал шестри же би дзивче одведла до хижи и змесцела го до посцелї же би ше зограло. Гуторел єй же, док ше дзивче нє зогреє, вони двойо поприповедаю.

Кед шестра дзивче змесцела до посцелї, вишла ґу братови бешедовац. Брат шестри понаказовал цо мал понаказовац и пошол дому,

Дзивче нє лєжало у посцелї, алє кучало при дзверох и през ключову дзирку вислуховало цо оцец зоз нину бешедовал.

Так дзивче остало у варошу и наиходзаци мешаци єй барз швидко прешли у бешеди и у бависку.

Пришол и дзень кед ше на тот швет народзело прекрасне дзивчатко. У оцовей шестри ше вони два зоз дзецочком по цали дзень бавели, як зоз бабку. Облєкали го и преблєкали, та просто забули цо треба по оцових словох зоз народзеним дзецком поробиц.

Гоч оцец бул далєко од нїх, дома раховал днї и нє забул на поведзене. Єдного дня опомнул их зоз писмом, же чи ше дзецочко уж народзело и чи зоз нїм поробели по його розказу. Ище раз по-

вторел же най то зробя цо скорей, прето же вон сце сцойо дзивче у цо кратшим чаше видзиц дома.

Пречитали и вирозумели писмо, та медзи нїма настала нервоза и страх же цо и як зоз дзецочком покончиц. Оцов розказ мушели випочитовац.

Знємирени у болю и жалю, и зоз слизами у очох однєсли нїчому виновате дзецочко до широтиньцу. Чежко им було розлучиц ше зоз нїм, алє цо ше по розказу покончиц мушело, мушело ше.

Дзецочко до широтинцьу прияли и видзели же як ше зоз дзецочком барз чежко розлучю, та им гварели же, кед ше предумаю, най приду по дзецочко, а воно же их будзе чекац.

Охабели дзецко и попонагляли до валалу дзе их з нєсцерпеньом чекал оцец. Кед сцигли до валалу, дзивче вистате од драги и прежитих траумох пошло ше одпочинуц, а нина остала озбильно побешедовац зоз братом. Плачуци го прекліїнала и гуторела му же як могол таке поробиц свойому дзецку, яґод кед би забул же цо и як зоз ню поробел їх покойни оцец кед ю вигнал зоз обисца до варошу и о нєй нє сцел нїч вецей знац по свою шмерц.

Брат єй гуторел же шицко памета, та же прето после шицкого и приял свойо дзивче дому. Ґу тому им тром, шестри, супруги и дзивчецу загрожел же о дзецочку хторе остало у широтиньцу нє шму нїкому анї слова спомнуц по конєц живота, бо, як гварел, свойому дзивчецу жада лєм шицко найлєпше. Прето єй нашол и млодия, найбогатшого у валалє, за хторого ю нєодлуга ода. Гварел ище же кед би ше о тим цо остало у варошу дознало, могло би ше и догварене винчанє погубиц.

Свадзба була и прешла, попри злученей роботи и капитали ше им злучели. Вредно шицки робели, а капитал ше з дня на дзень вше баржей звекшовал. Гоч ше млодята скорей свадзби нє познали, з часом ше полюбели и мали складни живот.

Преходзели дзень за дньом и пришол єй перши родзени дзень у малженстве, за хтори єй супруг подаровал барз красни и барз драги диямантни персцень. Персцень ше єй барз пачел.

Преходзели днї, богатство ше им попри роботи з дня на

дзень баржей звекшовало. Богатство им ше за наиходзаци рок тельо звекшало же єй супруг за други родзени дзень у малженстве подаровал заєднїцки збудовану нову хижу, найвекшу и найкрасшу у валалє.

У медзичаше ше нагло похорела єй мац и умарла.

Робели вредно и далєй, та пришол и єй треци родзени дзнень у малженстве. За родзени дзень єй супруг подаровал найкрасши авто у краю. Патраци супруга до оч, указовала же яка є щешлїва, а у шерцу плакала и нарикала вше кед би у велькей новей хижи у куце обачела ище вше празну колїску достату од кума за придани.

У медзичаше шлоґирало єй оца, лєгнул до посцелї, пошвидко и умар.

Надалєй вредно робели, маєток ше им звекшовал, поведло би ше, же їх щесцу нєт конца. Випатрало же су щешлїви, а вона з дня на дзень була вше нєщешлївша и смутнєйша, а найбаржей прето же капитал хтори мали и з дня на дзень звекшовали на концу нє буду мац кому зохабиц, прето же нє маю власного нашлїднїка.

Була вше смутнєйша и застаранша. И далєй преходзели дзень за дньом, пришол и єй штварти родзени дзень у малженстве. Сама себе розказовала же о смутним нє шме роздумовац. Пре родзени дзень знова єй цали час було на розуме же цо нєшка од супруга достанє. Робела по обисцу, рихтала святочни полудзенок и ровно роздумовала же зоз яким ю дарунком супруг нєсподзива.

Предзвонєло поладнє. Супруг вошол нука на полудзенок, алє празних рукох. Кед го видзела, розчаровала ше, прето же думала же забул хтори нєшка дзень. Гоч була смутна и барз розчарована, поволала го за стол ґу полудзенку. Шеднул за стол и поцихи ше наполудньовали.

По полудзенку єй гварел же анї на тот завод нє забул же хтори нєшка дзень. Гварел єй же най ше идзе до преднєй хижи порихтац до найкрасшей шмати, же ю дзешка одведзе.

Послухала го, поприберала ше и любопитлївосо ше му опитала кадзи ю надумал вивесц. Одвитовал єй же уж прешли даске-

льо роки як жию вєдно. За прежити заєднїцки хвильки збудовали хижу, купели красни авто, маю шицкого, лєм єдно нє можу мац, а то власни дзеци. Прето надумал же най иду до варошу дзе єст широтинєц и од тамаль себе привесц даєдно од широтих дзецох. Усвоїц нашлїднїка, хторого на иншаки способ нє можу мац.

Кед вона чула тоту його задумку, горко заплакала, просто врещала. Супруг ю длуго нє могол ублагац од нариканя, а кед ю ублагал и престала плакац, опитал ше єй же чи му може потолковац цо єй спричинєло таки вельки жаль. Вона му одвитовала же му нє шме нїч повесц, прето же ю на цихосц до гроба зарекол єй покойни оцец и же би ше после того припознаня вони двойо можебуц и навики розишли.

Вон ю по виповедзених словох ище упартейше модлєл же най му вивола свою, глїбоко у шерцу скриту тайну, а же ю вон будзе ище баржей почитовац и любиц як по тераз.

Попущела под його прицискoм и вприповедала му о єй дзивчецу у широтиньцу, у вельким варошу. Вислухал ю, шицко єй пребачел и нє гнївал ше. На концу єй гварел же най ше поготов тераз идзе порихтац за драгу. Шедню до авта и пойду поглєдац у широтиньцу єй дзивче. Кед го найду, приведу го дому и буду го далєй ховац як заєднїцке, же би на концу живота як и шицки други людзе мали кому зохабиц свой вельки маєток.

Як задумали, так и покончели. Пошли до велького варошу, нашли єй дзивче у широтиньцу, приведли го дому и ховали го як свойо власне дзецко.

Нєсподзивано ше им о рок, праве на єй родзени дзень, народзел малючки хлапчик. Аж теди їх щесцу нє було конца.

Вредно робели и далєй, ґаздовали и цешели ше у своїх дзецох як и шицки родичи на швеце, и жили длуго щешлїви и задовольни док нє помарли.

МОЙО, ТВОЙО И НАШО ДЗЕЦИ

Дакеди давно нашо людзе жили вельо иншак як нєшка. У першим шоре, скоро шицки Руснаци брали ше сами медзи собу. Скоро ше нїгда нє розиходзели, прето же им малженство було святиня на хтору пришагали на Библиї и тримали ше того же док нас шмерц нє розєдинї.

Так ше и єдна млада пара повинчала и жила з мирним животом зоз своїма двома хлапчиками, док ше єдного дня жена и мац синох нє похорела, а нєодлуга и умарла. Остал оцец сам зоз малима хлапцами. Теди були таки часи и людзе єдни другим помагали у шицким, та и у тим же би ше людзе медзи собу упарели, поготов таки цо пре шмерц своєй пари остали сами зоз дробнима дзецми. Так було и у тим случаю кед оцец двох хлапчикох остал ґдовец.

Такой после жалосци, хтора звичайно тирвала од шейсц мешаци до рока, почали людзе медзи собу шушотац и шептац кед ходзели по свадзбох и Кирбайох же там у тим месце єст ґдовица подобних рокох, а подобних рокох ма и дзеци, та вец би их двойо, так як ше гвари, з далєка, медзисобно упознавали и упарйовали.

Теди ше таке дацо нїкому нє брало анї за зле, анї за грих, алє аж и за чесц же направне добре дїло, же упарени два особи хтори сами остали, понеже им умарла пара. А понеже ше на винчаню пришага же це нє опущим аж до шмерци, та кед ше таке случело, таки особи мали ше право и у церкви ознова винчац.

Так и у тим случаю людзе упознали ґдовца и ґдовицу зоз по двоїма дзецми. Побрали ше вони, повинчали, а понеже були ище досц млади, мали и заєднїцки дзеци. Понеже мали вельке гумно, дзеци ше им там до милей волї бавели, алє нє було вше так. Раз кед оцец вишол зоз хижи зачул галайк и врещанє. Кед видзел цо ше на гумнє случує, вошол нука до хижи та гутори жени: „Нолє идзме до гумна розрепйовац дзеци, бо там мойо и

твойо дзеци бию нашо дзеци.“

Живот як и тераз, так и теди був вшелїяки. Преходзели днї и нараз ше до валалу приселєла война. Питали ше ґаздинї же дзе єй ґазда. У тот час ше и вон зявел. Вони го такой повидомели же пришли по ньго. Вон ше почал вигваряц же ма вельо дробни дзеци, та хто же ше о нїх будзе старац.

Єден го вдерел зоз кундаком и теди ґазда видзел же кельо годзин и пристал ше „добродзечнє“ спаковац и пойсц до войни. Там був даскельо роки, тельо кельо требало по конєц войни. За тот час прешол и обуку и їх превоспитанє. Кед пришол дому то був цалком други чловек, прето же го там превоспитали же Бога нєт, же там дзе вон був Бога поховали и вон ше у складзе зоз тим и справовал.

Вецей нє ходзел до церкви, а анї жени и дзецом тото нє допущовал, у складзе зоз тим анї обовязки спрам церкви нє вимирйовал. Дзеци повирастали, попристановяли ше и там у нових фамелийох жили по своїм, углавним по християнски, так як жили и фамелиї одкаль им була пара.

Преходзели роки, дїдо остарел, та так єдного дня и умар. Зишли ше шицки дзеци поховац дїда. Почали ше радзиц о хованю, требало би дац и предзваняц, алє як кед оцец до церкви нє ишол, а и наказал же нє сце паноца на хованю. Радзели ше дзеци, та ше порадзели же оцец нє живи та нє будзе пригваряц и вадзиц ше, а же вони оца поховаю зоз паноцом так як Бог заповеда, а людзе на жеми практикую, а там док пойдзе пред Бога най му вон судзи по його правилох.

Пошли до паноца и швидко ше порадзели о шицким. Найвекши проблем був у тим же покойни, од теди як у войни поховал Бога, анї руковину спрам церкви нє вимирйовал, та ше назберало надосц длуства спрам паноца, дзияка и дзвонара. Дзеци пристали и длуство виплациц, лєм най ше оца похова так як обичаї и шор накладаю.

Пошли дому на оцов пойд, наґрабали до мехох зоз оцового жита, кукурици и муки, покладли на коч, попрагали оцово конї,

та гайд на парохию виплациц длуство. Кед тото було покончене, аж теди було оглашене дїдови.

Ютре у заказани час одбуло ше и хованє у обисцу одкаль дїда у труни одвезли його конї на його кочу на дїдову остатню драгу, на теметов. Там дїда поховали як и каждого другого покойного, и дому ше порозходзели.

О тим ше у валалє приповедало ище даскльо днї по другу валалску подїю, а потим помали и призабуло.

Придало ше го до рукох Божих, а як вон там за свойо дїла наградзени тото нїхто нїгда нє пришол повесц, та анї вон сам.

СКРУЦ НА ЛЇВО, ТАМАЛЬ ПОЛЬО

Жила у обисцу млада пара. Мали трох синох. Як синове дорастали за роботу, оцец ше каждому опитал же цо би сцел виучиц и през цали живот робиц.

Найстарши роздумал, та оцови гуторел же сце буц муляр. Оцец го дал за шеґерта же би виучел за муляра. По законченим школованю го оженєл.

Було их троме браца и оцец. Штирме хлопи. По свадзби ше зложели, та оженєтому братови набили хижу зоз глїни як ше то теди робело. У новей хижи жил зоз жену, а нєодлуга и зоз своїма двома народзенима синами.

О даскельо роки и други син дороснул, оцец ше и йому опитал же цо жада буц и през живот робиц, же би му було добре жиц на тим швеце. Други син роздумал и пожадал буц байбер, та так оцови и гварел. Оцец го вишколовал за байбера, оженєл го, та и йому хижу зоз глїни набили. Робел по валалє як байбер, мал зоз жену двох синох и ховал их.

Кед треци син дороснул, барз любел конї та пожадал же би цалого живота шил штверци. Оцец и йому виполнєл жаданє виучиц ремесло хторе люби. Оженєл и його. Понеже бул наймладши син, остал жиц у обисцу же би дотримал родичох. Робел у мигелю

роботу хтору любел. Зоз жену жил и мали вельо дзеци. Скоро тельо кельо на обидвох рукох єст пальци. Дзеци му росли, а старих родичох поховал.

Преходзели днї и часи ше почали меняц. Єдного дня єден валалски ґазда пригнал до валалу нови трактор. Нєодлуга други ґазда тиж и так шором. Хтори од валалских ґаздох пригнал до валалу нови трактор, нєодлуга предавал конї. Зоз зменшаньом числа коньох у валалє и майстрови ше зменшала робота при правеню штверцох, оглавкох и дєпловох. Обачел майстор же му робота у ремеслу занавше щезує и же ше блїжи препасц його ремесла. Знал добре же муши почац робиц дацо инше же би одховал вельочислени чада.

Праве у тот час буґновало по валалє же синове по шмерци родичох предаваю седем гольти жеми у фалаце. Кед буґнованє вислухал майстор, вжал зоз собу пенєжи порихтани за купованє нових скорох и пошол купиц на предай оглашену жем. Купел жем, з догварку же кельо му тераз похибело, же виплаци док му праве купена жем зродзи.

Пошвидко пришла яр. Єдного ярнього рана станул, попрагал конї до нових штверцох хтори остатнї зошил. Шедли до коча, вон и жена, и пошли робиц на польо. Робели на полю днями. Єдного вечара кед пришли з поля, розчарована жена му гварела же така робота нє за ню, та же од ютра останє дома вариц, райбац, пратац обисце и заграду, а на польо най идзе робиц сам. Як гварела так и зробела.

Ґазда рано станул, накармел и напоєл конї, попрагал чилаши, та гайд робиц на польо, сам. Жена му отворела капуру и випровадзела го. Вигнал коч на драгу, скруцел на право и скорей як требало ознова скруциц на право до хотару, преходзаци коло карчми, станул наполнїц празну фляшку. Як вошол до карчми, дочекали го пайташе франтоше, зоз вишмейованьом же кадзи рушел сам, дзе потрацел жену и дзеци. Одповед им же нїґда и нїкадзи нє идзе сам, прето же вшадзи ма фляшку зоз собу хтору праве пришол наполнїц бо є празна. Полнєнє фляшки у карчми пред одход на польо

нє тирвало длуго, и нє обачели то велї людзе, алє єден з пайташох виволал го жени.

Истого вечара жена го дочекала дома нагнївана. Кед пришол дому и випрагал, напоєл и накармел конї и вошол нука, жена ше зоз нїм пре полнєнє фляшочки у карчми вивадзела же лєм.

Рано станул, накармел и напоєл конї, попрагал их до коча, та гайд ознова на польо. Док го жена при отвореней капури випровадзала, мерковала же кадзи скруци, бо му додня рано оштро наказала же би на драже скруцел на лїво, а потим при другей улїчки заш на лїво, та и тамаль може сцигнуц на польо. Пред ню по єй розказу поробел, та скруцел на лїво. Вона дома була спокойна, бо драгом кадзи пошол на польо нєт карчми, та нє ма дзе наполнїц празну фляшку зоз палєнку.

Цалого дня спокойно робела по доме, а вон ше зоз нєй на полю шмеял бо ю спревед. У єдним обисцу кадзи одходзел на польо було вельо добрей палєнки на предай.

Преходзаци тамаль, майстор каждодньово наполнєл фляшку зоз палєнку, хтору му точела ґаздиня попри хторей ше бавели двойо мали дзеци. Пришол би вон до обисца, дал празну фляшку, ґаздиня му фляшку наполнєла, заплацел и пошол на польо.

Майстрови ше кишенка єдного дня висушела, та од ґаздинї питал палєнку на борґ, а кед за даскельо днї так однєсол даскельо фляшки, жена ше спроцивела, та го опомла же покля вон то так дума, ша озда єй за палєнку треба заплациц.

Бачи як кед би ше заганьбел, та даскельо днї прешол на польо, а нє зашол наполнїц фляшку, а пре ганьбу главу на други бок обрацал. На полю на горучави днями робел смиядни.

Єдного дня пришол ґу ньому єден худобни валалчань, та ше му опитал же чи нє ма можебуц дома даяки, та гоч и половни штверци за предац. Гварел му же хторишик дзень купел младу кобулку, та би ю прагац, а штверци нє ма. Думаюци на празну фляшочку и длуство направене за палєнку, вон ше здогаднул нових штверцох хтори мал одложени на пойдзе за рогом. Челєднїкови гварел же ма дома ище єдни нови-новучки штверци, гварел и цену

за нїх. Челєднїкови очи аж заблїсли од радосци, пристал на поведзену цену, та ше опитал же кеди може присц дому по штверци. Дакедишнї майстор, а тераз землєдїлец, гварел му же най наютре придзе ту на польо, та достанє штверци.

Кед майстор вечар пришол дому и випрагал конї, понапавал их и накармел, пошол на пойд, знял штверци и положел их до сица на прикочу. Рано кед швитло, ознова попрагал конї, та гайд робиц на польо. У себе ше поцихи ошмишковал задумуюци же од нєшка ознова нє будзе на польо одходзиц сам, алє зоз полну фляшку зоз палєнку у сицу.

Кед сцигол на польо и почал робиц, слунко робело свою. Кед ше слунко до поли дзвигло, пришол млади челєднїк зоз догваренима пенєжми по догварени штверци. Тарґовину поробели, та челєднїк зоз штверцами пошол задовольни.

Майстор на полю остал и далєй робиц ище задовольнєйши, свидоми же нє будзе длужен, а нє будзе анї по цали дзень робиц смиядни на полю. Идуцого рана кед ишол на польо, зашол до гев-

того обисца дзе було добрей палєнки, а зоз капурки почал радосно кричац: „Мам пенєжи, мам пенєжи...“

Ґаздинї дал фляшку же би ю наполнєла. Знял калап зоз глави та го превращал покля з нього нє випаднул паперови пенєж на жем. Подзвигнул го зоз жеми и даваюци го ґаздинї гварел: „На, та обрахуй и шицко длуство, а цо останє як звишок, зохаб при себе. Придзем я и наютре и идуци днї, та будзем себе задумовац же доставам палєнку задармо“. Намачал зоз полней фляшки уста и гарло, и задовольни пошол на польо зоз знова полну фляшку.

ОСУШЕНЕ КВЕЦЕ У ОБЛАКУ

Єден млади чловек достал очисцац сухари у лєше гет при Барбин долу. Вон и його жена станули додня рано, ище поцме, понамиряли, побудзели дзеци и шицки рушели до лєса на трактору и прикочу. Кед сцигли дзе требало древа за огриву очисцац, виступел ше зоз дильова. Вон и жена пошли до лєса очисцац сухарки и правиц громаду.

Хлапец був старши, тиж сцел пойсц до лєса очисцац сухарки. Родичи му нє дошлєбодзели, гуторяци му же хтошка муши чувац трактор и прикоч и под прикочом малу шестричку, хтора ше там бавела. Гоч без дзеки, хлапец ше зоз тим мушел зложиц. Поготов прето же гоч ше тамаль коло нїх пресцерала боса лєтна драга, вона була главна терховна драга спрам Церичу и Винковцох. Нїґда ше нє знало же хто и зоз яку намиру преходзи.

Понеже того дня був лєбо дзешати, лєбо двацец треци у мешацу, кед ше на тоти днї каждого мешаца отримовал вашар у варошу, коло виступеного трактора и прикоча преходзело вельо людзох на тракторох, а и зоз коньми и кочами на вашар, дахто дацо ишол купиц, дахто дацо попредац.

Док ше под прикочим брацик и шестричка бавели, почали ше и перши людзе хтори на вашаре покончели роботу врацац дому. Зоз далєка ше чуло и квичанє прашатох, гоч ше чуло и гур-

чанє трактора, квичанє було моцнєйше. Помали, та трактор пришол и прешол коло їх трактора. Трактор вожел бачи зоз валалу, єден зоз перших хтори мал направени вельки кармики, дзе викармйовал по вецей стотки прашата нараз.

Вон був на вашаре и накупел полни прикоч прашата, тельо же єдно по другим ґазловали. Понеже нє були купени од истого ґазди и нє були зоз истого кармика, и нє познали ше медзи собу, прашата ше гризли и квичали же ше их надалєко чуло.

Док ґазда цо зберал у лєше древа мал обичай зоз собу вше вшадзи брац свою жену лєбо даєдно од дзецох хтори вец мерковали на шицко тото цо вон нє могол видзиц лєбо чуц та му тото явели, ґазда хтори вожел прашата був сам у кабини та нє чул же ше його прашата у прикочу грижу и квича.

Кед прешол коло паркираного трактора и пошол од нього даскельо дзешатки метери, прашата у лївим преднїм углє ше так гризли же ше єдно од болю так старгло же прескочело предню драбинку. Як спадло так го перше преднє, а потим и заднє лїве прикочово колєсо преґажело же анї заквичац нє засцигло. Бачи и далєй гонєл трактор и анї раз ше нє огляднул на прикоч же би видзел як там прашатом!

Трактор пошол спрам валалу, а на преґажене праше нєодлуга пришли бруняци мухи и ище днями на нього шедали, як и лєсово птички хтори го розджубовали. Бачи тото праше нє глєдал, хто зна чи дома и обачел же му у прикочу хибело.

Вон дома мал жену хтора зоз нїм нїґда нє ходзела на польо як гевта хтора була у лєше, прето же, як вон часто знал повесц, „вона ма и дома надосц роботи“.

Справди и мала, бо окрем роботи по обисцу, мерковала на його хорих родичох, а ховала и їх два дзивчата. Ґу тому мерковала и даскельо стотки прашата у вельким кармику, а старала ше и коло прекрасних рижнофарбових мушкатлох, же би крашнє квитли и пахли у вельких облакох.

Вецей раз кед була сама дома до роботи запратала и даєдно зоз дзивчатох же би єй дацо помогли. Кед ґазда видзел же дзивчецу

наказала же би швиньом наношело води, такой ю вигандровал же то нє робота за дзивче прето же ше ю будзе чуц за швиньами кед пойдзе вечар до валалу.

Так им у роботи прешли роки живота. Перше поховали його оца, потим и мацер.

Дзивчата ше поодавали и пошли зоз обисца. Нєодлуга зоз своїма парами и малючкима дзецми пошли и до иножемства зарабяц за себе и своїх дзецох. У таким вельким обисцу остали лєм вони двойо, док ше єдного дня нє похорел и вон, а нєодлуга и умар.

За нїм остал трактор на штред двора и вельки празни кармики у хторих дакеди кармели прашата.

Мац остала сама. У таким вельким обисцу нє могла вельо койчого зробиц. Могла лєм залївац мушкатли у облакох и жаловац и плакац, як за своїма покойнима, так и за своїма живима у далєким швеце. Док и єй єного дня дзвони нє предзвонєли. После хованя замкнута капурка.

Так у тим обисцу уж роками позамикане, а у облакох дакеди красни и порозквитани мушкатли ище вше стоя, алє давно цалком зосушени бо их уж роками нєт хто позаливац.

Хлапец хтори ше дакеди бавел при лєше под кочом зоз шестричку тераз уж бул одроснути чловек. Вше кед би преходзел коло ґаздовского обисца здогадовал ше тей прекрасней и вредней фамелиї, похопююци як живот швидко и занавше преходзи.

ЛЮБОПИТЛЇВИ БРАЦА

Чловек по своєй природи любопитлїве створенє, цо значи же го шицко коло нього цикави и же сце шицко видзиц и дознац скорей од других.

Кед до валалу пришла нова вистка, вона ше преношела и препривоведовала, и каждому була нова, як кед би ше скорей даскельо хвильки случела, гоч була дзекеди стара и даскельо мешаци, та и роки док нє сцигла зоз далєкого швета, од места случованя

по место слуханя.

Мойсей був барз любопитлїви чловек, шицко го интересовало и любел видзиц койцо вельо скорей шицких других.

Понеже остал млади ґдовец зоз троїма дзецми, старал ше о нїх як могол. През свой живот був и барз любопитлїви, та так вєдно зоз своїм братом, кед чули же у швеце видумана шкатулка хтора бешедує, подумали же би нє було згорше набавиц єдну таку шкатулку и на тот способ буц у тим опрез шицких, нє лєм у валалє, алє и у околїску.

Надумане им ше нєодлуга и зисцело.

Тота шкатулка хтора мала моц же би бешедовала и же би преношела вести на далєкосц волала ше транзистор. Вона ше состояла зоз антени хтору требало барз високо утвердзиц, потим од длугокого бакарного дрота и на концу шкатулки хтора у хижи бешедовала.

Брат Митро у заднїм дворе при лєтним хлїве мал барз груби и високи баґрен на хтори ше нє бал попендрац, та пошол тоту антену притвердзиц на сам верх баґрена и отамаль спущел длугоки бакарни дрот на жем, хтори потим през заднї щит прецагнул на пойд и потим го през дзирку на падлашу предрилєл до прикдєта и скапчал зоз шкатулку хтора продуковала глас.

На тот способ им було оможлївене же би прейґ тей шкатулки скорей шицких чули вести зоз швета.

На таки способ прейґ транзистора чули и тото же там дзешка далєко постої и богата жем хтора ше вола Америка и же ше там може вельо пенєжи заробиц и барз швидко постац богати чловек.

Тота вистка им випатрала прицагуюца, медзитим на ню ше баржей заквачел Мойсей и почал нагваряц Митра же би вони двоме требали там пойсц робиц и швидко ше збогациц, а зоз тим би и їх дзецом було вельо лєгчейше у живоце.

Митро мал жену, тройо дробни дзеци и кус жемочки, та му така задумка нє падала анї на розум. Мойсей, медзитим, теди був уж ґдовец зоз троїма, уж пристановенима дзецми, та подумал так же би було добре там пойсц и там робиц и заробиц, и жиц як пан.

Окрем того же увидзи швета и добре зароби, ґу тому же од того заробеного будзе добре и його уж пристановеним дзецом, бо кед там зароби и будзе и им посилац, та им з тим помогнє, и будзе им добре.

Надумане и витворел, вжал дакус ушпоровани пенєжки, дацо попредал, дакус пожичел, та гайд на далєку драгу, до Америки. Ша там зароби, та враци длуство.

Рушел вон так по Европи, пошол презнаваюци ше там дзе ше застановяли кораблї хтори вожели до далєкей Америки.

Вожели ше вони на тим кораблю по Америку цали єден мешац. Кед там сцигол, Мойсей задумовал же там будзе робиц даяку паньску, лєгку, а добре плацену роботу. Кед зишли зоз корабля и кед ше дакус одпочинули, були одведзени пред дзиру цо водзела до рудокопу и там им почали дзелїц лопати. Мойсей ше на тото кратко озвал ґу лопати хтору достал „Я це зохабел там далєко дома, а ти ту сцигла скорей одо мнє“.

Робел вон так там од пондзелку, а понеже потрошел пенєжи, а плаца ше там дзелєла каждей соботи, вон у другей половки тижня набрал єдзеня и пица на борґ, з тим же на соботу док достанє плацу тото виплаци и же убудуце вецей нє будзе так робиц, алє же муши и ушпоровац же би и дому своїм дзецом дацо послал.

Преходзели му там тижнї, а йому нє пошло од рук же би ушпоровал же би и дому дзецом послал, алє длуство од купованя на борґ лєм росло и росло.

Кед тамтейши власци видзели же хто яки роботнїк и хто ше там як справує, єдного дня таких, як цо бул и сам Мойсей, американски власци позберали, попаковали их до празного кораблю хтори потим послали до Европи, до Анґлиї.

Кед их у Анґлиї випаковйовали зоз кораблю, гварене им же тераз оталь можу кадзи лєм сцу.

Понеже Мойсей у Америки нїч пенєжу нє ушпоровал, нє могол нїкадзи. Остала му лєм єдна можлївосц, написац дзецом дому писмо най му пошлю пенєжи за дагу, же би ше з Анґлиї могол

враціц до валалу.

Кед ше врацел до валалу остаток живота препровадзел безцильно отлукаюци ше од дзецка по дзецко.

Митро, хтори так повесц цалого живота нє одходзел з валалу, и далєй задовольни през дзень орал и копал свою жем, и далєй вечарами слухал новосци прейґ древеней шкатулки хтора приповедала. Кед уж попристановял свойо дзеци, як цо ше у младосци шмело пендрал по баґрену кед требало намесциц антену, так ше у старосци шмело попендрал и на орех же би го отресол. Анї себе нє могол задумац же у тей хвильки, док ше будзе пузац по здирветих орехових конарох, придзе його кончина на тим швеце, односно власна шмерц на жеми, под одчакнутим здирветим ореховим конаром.

„ПИЛ“ ГОРИВО ЗОЗ ТРАКТОРА

У єдним обисцу жили оцец и син. Оцец був уж стари та робел цо могол поробиц по обисцу, а син каждодньово одходзел зоз конїчками цо требало помали поробиц по полю.

Кед син наконцел осемнац роки, як таки мал уж и бизовну дзивку при себе, та го оцец як такого пошвидко и оженєл.

Оцец и надалєй робел роботи по обисцу. Млада жена пошвидко по свадзби народзела дзецко хторе дома пильновала и обисце отримовала, а вон и надалєй ишол зоз конїчками на польо обрабяц жем.

Добре му тото ишло, та нєодлуга мал и три конї зоз хторима упрагнутима у кочу пишно ходзел на польо.

Роки им швидко преходзели, та му єдного дня оца однєсли по драги у єдним напряме, там дзе кажде з нас єдного дня пойдзе, а то на споведз ґу святому Петрови.

Жена му по оцовей шмерци превжала старосц и о цалим обисцу, а вон и надалєй ишол робиц по польо.

До валалу у тот час пришла и нова мода, та людзе нагло

почали предавац свойо конї и место нїх куповац нови трактори.

Нє сцел анї вон буц окрем швета, та и вон попредал конї и купел трактор.

Понеже после оцовей шмерци постал, як людзе знаю повесц, сам свой ґазда, без оцового надпатраня, так ше и справовал, ґаздовски. Кед одходзел на польо, преходзаци коло обисца дзе вше було добрей палєнки, зашол би себе наполнїц пинтовку и тото плацел зоз динарчками хтори му вше черчали по кишенкох. Так зробел раз, други раз, треци раз и так шором покля му у кишенки динарчки нє пресушели.

Кед му динарчки у кишенки пресушели, даскельо раз зашол купиц палєнки на борґ, аж по теди док му гевти там нє престали давац палєнки на борґ. Кед му там престали давац палєнки и питали од нього направене длуство, почал заобиходзиц тоту хижу у надїї же даяк дойдзе до пенєжу, тото длуство виплаци, та там и надалєй предлужи заходзиц и полнїц свою вше празну пинтовку.

Шицко то було крашнє задумане зоз його боку, медзитим

нїяк же би у його кишенки динарчки ознова зачерчали, а палєнки би ше пило.

Єдного дня преходзаци тамаль подумал, понеже и тот ґазда цо палєнку предавал нєдавно купел трактор, же би могол понукнуц длуство виплациц зоз горивом зоз свойого трактора. Подумал же трактор тото нїкому нє вивола же чи гориво вишло през авспух, чи през чепево до фляши и потим до другого трактора.

Зашол вон так там и по догварки зоз ґаздом так справди и виплацел свойо длуство. Идуци раз кед ишол орац, принєсол полну фляшу горива, и понеже теди литра горива коштала кельо и деца палєнки, кельо литри горива принєсол тельо достал палєнки и задовольни пошол орац на польо.

Прешла так єшень и сцигла жима.

Єдного жимского дня до валалскей польопривредней задруґи пришли людзе и камиони поодкупйовац и одвезц з валалу викармени шудови. Зишли ше там шицки хтори мали шудови на предай. Док там чекали шора, тот цо любел пиц палєнки розпочал бешеду о тим же уж и бул шор же би ше тоти шудови зоз кармикох попредало бо у обисцу покус пенєжи хиби, а треба уж купиц и нафти за до трактора, а и кишенки зоз дробнима за палєнку уж давно пресушели. Чловек люби и пиє палєнку, а нє нафту як його трактор, та же би ше зоз трактора и вон нафти напил та мир.

Тоту бешеду з далєка, споза його хрибта слухал и провадзел гевтот цо палєнку предавал, та ше у себе ошмихнул и под нос прежубротал: „Та пиєш ти нафту и то ище як, лєм ши того нєсвидоми, пиєш ю вше теди кед до мойого трактора усипеме нафту же би ши у мнє попил палєнки“.

А ЦО ТО ВАС БРИҐА...

Дакеди родичи при вихову свойого дзецка баржей водзели рахунку кадзи воно ходзи, цо там роби и як ше там справує.

Кед би родичи, нє дай Боже, дочули як ше воно там справо-

вало и кед би ше им, а окреме оцови, тото нє попачело, ушлїдзели би вец и домашнї виховни мири. Виховни мири були рижнородни, од благих та по гевти оштрейши. Було то так, перше було поучне слово. Кед то по оцовим думаню нє було достаточне, вец шлїдзело гандрованє, вадзенє, станє у куце, клєчанє на чуткох кукурици, вербов пруцик, а на остатку, кед же то оцец оценєл як потребне, и вицагованє скоряного ременя зоз панталонових ґайкох. Же би ше тото остатнє нє случовало часто, дзеци мерковали на свойо каждодньове справованє.

Та так и єдни млади родичи, кед ше ошведочели же їх мали син нательо одроснул же би уж сам могол пойсц до баби до другей улїци у валалє, опитали ше му же чи би вон нєшка знал сам пойсц до баби. Кед хлапец на тото пристал, вони го пущели, алє же би вон нє обачел даскельо раз го провадзели меркуюци за нїм, вше му пред тим наказуюци же най до баби понагля, „єдна нога там, а друга назад“, а кого драгом стретнє, каждому най поздравка. Хлапец послухал родичох и пошол до баби. Пошол вон так перши раз, други раз и вецей раз, и було би шицко у шоре кед би го раз нє застановела єдна андя и почала ше му випитовац же чий є, потим дзе идзе, цо му робя родичи и так шором. Хлапец був бешедлїви, та зоз ню поприповедал и тото цо требало и тото цо нє требало повесц. Случовало ше то вецей раз, подознавала вона од хлапчика вельо койчого и було би то шицко добре кед би вона єдного дня шицко дознате од хлапчика нє виприповедала його родичом, хваляци го же яки є мудри и бешедлїви, и виприповедала цо шицко од хлапчика дознала.

Кед то оцец чул, сина барз вигандровал и ище му грожаци гварел же кед ище дараз дацо таке од дакого учує, же добре од нього зобере.

Так раз, кед хлапец знова стретнул тоту жену, вона му зопарла драгу и почала го ознова койцо випитовац. Знаюци же го оцец пре ню гандровал, пробовал ю заобисц и на єй упарти рижни випитованя нагнївано одоцал: „Цо то вас бриґа, говно и паприґа, га, га, га...“ и швидко сцекол од нєй. Чул лєм тельо же за нїм кри-

чала же о тим пошвидко дозна и його оцец.

Так хлапец кед убудуце ишол до баби, заобиходзел хижу тей жени споза загради, наздаваюци ше же кед го нє увудзи, та на тото забудзе и нє пове його оцови. Алє нє забула, та оцови шицко виприповедала. З тей нагоди оцец сина нє гандровал, алє бул на ньго горди же ше му, гоч и на нє баш културни способ, удало спроцивиц. Заш лєм, тото синови теди нє припознал, алє аж кед одроснул и постал розумни чловек.

ОДПОЧИВОК ПРИ ПАЛЄНКИ

Дакеди нашо людзе худобно жили и знаходзели ше на вшелїяки способи же би лєгчейше, а заш лєм чесно жили.

Так єдни, зоз женских целятох хтори ше у обисцу оцелєли, виховйовали млади крави хтори вец през векшу часц рока, кеди им хвиля допущовала, виганяли през цали дзень на пасовиска же

би покарму випродуковану на власней жеми цо длужей зачували за жиму, за днї кед ше крави нє годно пущац на пасовиско.

Други, на полю дзе була нїзка жем, блїзко при потоку, садзели желєняву, гращок, цибулю, кромплї и шицко тото одношели на пияц и предавали.

Було и таких хтори насадзели вшелїякей овоци хтору вец оберали и на кочу, на грубим пасме слами превожели на пияц до городу лєбо на салаши дзе жило вельке число людзох зоз ище векшим числом дзецмох. Овоц хтора нє мала квалитет за предай оставала дома, ю ше зазберовало и зоз нєй ше пекло смачну палєнку, хтору ше предавло през цали рок, лєм кед дахто отворел капурку и пожадал купиц палєнки.

У єдней фамелиї ше жило на иншаки способ. Там хлоп вчас ставал и одходзел на польо, як на свойо так и на цудзи дзе бул волани, же би за пенєж поорал, пошал и инше поробел цо кому хвильково требало.

Кед ше у валалє зявели перши трактори, бул уж у старших рокох и нє могол крачац по полю за коньми, та и вон надумал предац конї и купиц трактор. На трактору вельо швидше поробел як зоз коньми, алє го трактор баржей вицерпйоваляк конї, та ше частейше мушел одпочивац. Одпочивок му найбаржей одвитовал при полному погарику добрей палєнки.

Понеже знал же у кого єст добрей палєнки, а ноги му були поцерпнути од шедзеня на трактору, вон шеднул на трактор и одвезол ше до дакус дальшого сушеда ошвижиц ше зоз добру палєнку, за хтору гварел же го од нєй анї глава нє болї як од дзепоєдних других.

Вошол вон до сушеда зоз намиру же нє будзе длуго, зохабел аж и трактор же би на драже гурчал.

Сушед бул дома и нє понаглял нїкадзи. Шедли вони до приклєта. Сушед му налял першу. Бешедовали вони о шицким, та и о прешлих часох. Пияк бул учашнїк у Другей шветовей войни. Кед перши погарик поцагнул други, други поволал треци, язик ше найлєпше одшмелєл и розвязал. Там було и приповедки хтори

по хто зна хтори раз приповедал.

Понеже був старши и болєли го ноги, думал же го трактор одвеже дому, алє нє думал на тото же го тот исти трактор зрадзи його жени. Нараз ше лєм зачул лопот капурки и пес почал брехац. Док ґазда подумал же хто там на капурки, та же би висц опатриц, приклєтни дзвери ше нагло отворели, а на дзверох ше створела пиякова жена.

Як дзвери отворела, так одразу зврищала: „Га, ту ши пиянїцо!“ Ґазда обисца ше злєкнул, та такой станул зоз гокли и почал ше поцаговац цо далєй од нєй, же би го вона така нагнївана нє набухцела.

Вона нагнївана и гласна у кричаню нє патрела на ґазду обисца, а анї на свойого мужа, алє з очми стрегла по столє, глєдаюци по столє мужов погарик зоз палєнку.

Кед го обачела и вжала до рукох, ґазда обисца ше стресол, думюци же го вона зоз нїм облєє. Медзитим, вона тот погар виляла до себе, а потимознова скричала на свойого мужа: „Дому пиянїцо!“

Вон на єй лярманє станул и вишол на драгу, шеднул на трактор и рушел дому. Вона дринґала за нїм грожаци му ше.

Од теди та до часу док обидвойо нє помарли, кед би дараз и кричала на нашей капурки, ми ше дома вше сладко нашмеяли зоз коментаром же єй чловека у нас хвильково нєт, та ше анї вона нє окрипи зоз нашу смачну палєнку, як дакеди.

БАВМЕ ШЕ ЖЕ ЗМЕ ВЕЛЬКИ

У истей улїчки, у штирох сушедских обисцох, истого року були народзени штирме хлапчикове.

Родичи були щешлїви же достали синох, ховали их и цешели ше у нїх. Кед синове дакус подросли, бавели ше вєдно на улїчки по праху. На седем роки, як и шицки други, рушели вєдно и до

школи. Понеже теди школованє тирвало штири роки и тото им швидко прешло. После законченей школи дакеди робели и на полю з родичами, а дакеди ше сходзели на улїчки и бавели.

Осиф рано станул и пошол ше бавиц до Дюри. Доволовал го на капурки. Дюри дома нє було. Пошол вец до Миколи. Кед отворел капурку, у дворе були шицки троме, и Дюра, и Микола, и Яни, лєм им вон хибел же би були шицки на єдним месце вше порихтани за бавенє. Кед ше посходзели, здумовали як би ше бавели. Здумали же як би то випатрало кед би були цалком вельки и одроснути, та же би ше на одроснутих и могли бавиц.

Єден з нїх спомнул же им за бависко треба даяк набавиц и циґаретли же би ше учели куриц, та вец коло куреня буду задумовац же су справди вельки и одроснути.

Теди ше дзецом нє давало до рукох пенєж на каждодньове розполаганє, дзекеди аж и по власну свадзбу, хлапци мали бриґу як купиц доган або циґаретли. У тедишнї час циґаретли ше нє могло купиц у дутяну на шкатулку як тераз.

Теди дїдове, кед шедзели на драже, звичайно курели доган на пипку, а тоти цо нє курели пипку, вони лєбо круцели доган до специялних паперикох за тоту наменку або куповали готови циґаретли у паклу. То було звичайно по тисяч циґаретли у паклу и вец ше их складало до табакери кельо ше их там змесцело. Табакера то шкатулка специялно направена за складанє и ношенє циґаретлох у кишенки. Була направена зоз рижних материялох, од твардого паперу та прейґ звичайного металу, та аж и по злато, у зависносци од статусу и материялного положеня власнїка табакери.

Штирме хлапци ше порадзели же замодля Осифового старшого брата же би им набавел циґаретли, а чий оцец праве пошол на польо та о тим нїч нє будзе знац. Осифов старши брат бул уж леґинь, а мал вельо обовязки. Мушел поробиц шицки домашнї роботи по обисцу, мерковац на младшого брата и на шестрового малого сина. Розуми ше, кед Осиф пришол зоз пайташами дому, мушел мерковац нє на єдного, алє на штирох хлапцох, та кед му вони винєсли свой план же ше сцу бавиц яґод же су уж вельки и

же им за тото треба циґаретли, вон пристал пойсц их купиц. Думал себе же кед ше буду так у винїчки бавиц, вец на нїх нє будзе мушиц мерковац, та им купел цале пакло.

Хлапци були прещешлїви же достали пакло циґаретлох, та зоз нїм пошли на конєц загради и скрити у винїчки курели докля им душа жадала. З нїма до винїчки пошол и Осифовей шестри син. У винїчки ше през цали дзень накурели, а нє покурели шицки циґаретли. Слунко заходзело ґу горизонту, звечарйовало ше. Предвечаром хлапци мали бриґу дзе и як поскривац нєпокурени циґаретли, за другу лекцию куреня.

Микола роздумовал и дал предклад же би найлєпше було нєпокурени циґаретли поскривац под праг хлївних дзверох. Порадзели ше и прилапели же на хлївних дзверох удзверя широки, же зоз удзверйох виберу штредню деску зоз прагу. Под деску вигребу глїну кельо потребне за положиц циґаретли. Знали же там будзе сиґурне место за скриц циґаретли прето же под прагом сухо, та циґаретли нє овлажа, а буду скрити и од попатрунка старших.

Як ше догварели, так и поробели. Були сиґурни же место дзе скрили циґаретли нїхто нє найдзе.

Кед вистати Миколов оцец пришол зоз поля и випрагал конї, хлапци ше з далєка, споза сушедовей хижи у цихосци ше припатрали як будзе випатрац док конї буду преходзиц прейґ прагу. Кед Осифовей шестри син видзел же конї иду прейґ прагу под хторим були поскривани циґаретли, злєкнул ше же их конї поджамя, та скричал: „Дїду, меркуйце же би конь прекрочел праг, же би нє поджамел нашо циґаретли“.

Старши хлапци му зоз руками затикали уста, алє чловек похопел о чим слово. Поготов кед видзел швижо копану жовту глїну коло удзверйох, похопел же цо хлапци робели.

Кед хлапци видзели же тайну цо през дзень робели похопел и дознал Миколов оцец и же пре тото од нього зоберу, шицки през загради розбежали и кажди пошол дому.

Осиф дома був цихо, та того вечара добре прешол, а як прешол Микола можеце себе лєм задумац!

О даскельо днї, кед ше хлапци ознова позберали, Микола випriповедал же го оцец нє покарал зоз вицагнутим ременьом як би ше обчековало, алє му лєм кратко гварел: „Е, мили мой сину, кед ши одроснул за куренє, од ютра будземе вєдно ходзиц на польо копац кукурицу, а будземе вєдно и куриц, як одроснути людзе!“

Потим у бависку прешли ище даскельо днї, а Осиф на шицко як ше у винїци учели куриц уж и призабул. Алє пришла и нєдзеля. Внєдзелю ше идзе до Служби Божей, а скорей початку Служби Божей хлопи себе вше дакус попriповедаю. Та так тей нєдзелї Миколов оцец шицко випriповедал Осифовому оцови, о тим як ше их синове учели куриц. Осифовому оцови ше зацмело пред очми, алє ше якошик пред церкву стримал же би нормално випатрал, а после Служби пошол просто дому.

Дома оцец чекал Осифа зоз вицагнутим ременьом зоз панталонох же би му зоз нїм „дал пенєжи за купиц циґаретли“. Щесце було же мац пришла дому скорей як Осиф. Нагнївани оцец випriповедал мацери найновшу вистку хтору чул пред церкву, алє и приповедку же як Микола був покарани зоз копаньом кукурици.

Кед мац вислухала оца, сладко ше нашмеяла та му гварела: „Кед сушед свойого сина так покарал же го вжал на польо копац кукурицу, так и ти покар нашого. Нє же биш го зоз ременьом лєбо даяку палїцу бил! Могол биш го, нє дай Боже, покалїчиц, и то нє будзе добре. Вежнї и ти Осифа на польо копац кукурицу, як цо и сушед вжал свойого Миколу, та и ми скорей окопеме!“

Так ше дакеди у наших руских обисцох поставало узрети, вельки и одроснути чловек.

НЄ МЕНЯЦ НИНУ И АНДЮ

Єден млади валалски челєднїк док був ище мали, кадзи му родичи одходзели, зоз нїма одходзел и вон, по кирбайох, по рижних госцинох, свадзбох и вешельох. Кед почал ходзиц и бешедовац, родичи вше мерковали кого од родзини як ословює. Окреме мер-

ковали же би нину нє ословел зоз „андьо“, а андю зоз „нино“.

Понеже похопел же то його родичом барз важне, мерковал и сам же би запаметал як кого ословиц и при тим нє погришиц, гоч му теди малому анї нє було ясне чом то так.

Кед бул кущик векши, пришли до нїх дружбове волац их на свадзбу. Вон ше поволанки радовал и нєпреривно бешедовал о тим же пойду на свадзбу. На тоту його радосцше озвала мац и гварела му же су поволани же би пошли нє на свадзу, алє на питанки. Аж теди му нїч нє було ясне. Опитал ше чи то дружбове нє волаю на свадзбу. Мац му розтолковала же су поволани, та и пойду на свадзбу, алє же ше так гутори кед ше одходзи на свадзбу до млодей.

Мац му розтолковала же родзинова дзивка хтора будзе млода по винчаню постанє „нина“ и так ю треба волац. А млоди, єй вибрани будуци муж, по свадзби постанє „шовґор“. По свадзбу вон нє бул родзина, а по свадзби то постанє по своєй супруги.

З другого боку, кед ше идзе на свадзбу до родзини хтора женї сина, вон по свадзби постава „бачи“, а його супруга постава „андя“.

Хлапцови мац раз так потолковала и вон ше ю намагал цо лєпше похопиц, бо чувствовал же слова хтори му мац приповеда за ньго и його живот цошка барз значне и же му то будзе потребне у живоце.

Мац синови таке потолковала прето же мали у сушедстве леґиня хтори нє розликовал поняца „нина“ и „андя“, а родичи го нє поучели же як кого од родзини ословйовац, та гнєтка знал повесц нини „андьо“, а андї „нино“.

Тото погришне ословйованє родзини єдовало мацер, та ше намагала свойого сина добре научиц же хто му цо, же би нє мишал поняца у бешеди при ословйованю.

Вельо роки потим, кед хлапчик вироснул и постал одроснути хлапчиско и требал дакого ословиц зоз горе спомнутима поняцами, скорей того як би го ословел, на хвальку ше у думкох врацел на тото же зоз хторого боку бул у нїх на свадзби, а аж потим их осло-

вел так як требало.

През прежити роки живота добре научел и похопел фамелийне родзинске стебло, та му було лєгчейше каждого ословиц точно як шор наклада. Людзе медзи собу вельо койчого поприповедаю и вшелїяк попреходза, и вшелїяки правдиви и нєстварни приповедки приповедаю.

Так ше приповедало же после войни дзе вельо людзох погинуло, поостaвали велї дзеци широти без єдного, а и без обидвоїх родичох. О широткох хтори остали старала ше блїзша и дальша родзина, кумово, сватово, а часто ше о широткох старали и таки хтори их сановали же су широтки, та их вец вони усвоєли.

Шицки родичи, и власни и хтори нє були власни, при одхову дзецох ше намагали шицким дзецом усадзиц дух того цо су, як при култури и при вири, а окреме при язику и бешеди.

Єдна руска фамелия ше старала о широтки на концу варошу. Кед уж постала дзивка, почала виходзиц до дружтва, на танєц, на бал и тому подобне. Там єй за око запнул єден, по єй думаню, барз красни леґиньчок. Побешедовали раз, други раз, треци раз, потим ше стретали дзекеди и по догварки. Преходзели им днї, тижнї, мешаци, сходзели ше вони и вше на розходу заказовали нови сход.

Раз так кед требало заказац нови сход, вона му гварела же нє може присц бо ше рихта до родного валалу єй покойних родичох, до родзини на Кирбай.

Вон ше на тото пременєл у твари, та єй гварел же єй и вон тото исте сцел повесц, бо ше и вон истого дня рихтал до того истого валалу на Кирбай, же би там повидомел свою родзину же ше надумал оженїц.

Вона пошла до своєй родзини пред Кирбайом, вечар пошла на танєц, у родзини преспала, рано ше нафриштиковала и пошла до церкви.

Вон на Кирбай пришол док вона була у церкви. Родзина го крашнє прияла, так як ше то на таке швето и роби. По фриштику шедзели и бешедовали.

После Служби, кед дзивка пришла назад до родзини, нєсподзивала ше кед там видзела леґиня, та ше му опитала же як же вон ту и як ю ту нашол.

Вон єй гуторел же вон ту у родзини и чудовал ше же як то и вона ту пришла и його нашла.

До тей ше бешеди умишали и домашнї, та кед шицки їх нєпорозуменя положели на свойо место, тоти двойо млодята похопели же су власни братняк и шестринїца.

Таки змухавени од дознатей правди о себе почали полудньовац. После полудзенку, понеже обидвойо похопели же од заєднїцкей свадзби нє будзе нїч, вона станула од стола и гварела же дома у варошу ма барз важну роботу, одпитала ше од шицких и пошла.

Вон остал до вечара, задумани и застарани о тим цо того дня дознал. Вечар и вон сам пошол дому.

Кед сцигол до варошу, цали варош приповедал о дзивки хтора того пополадня скочела зоз моста до рики, та ю там долу мутна рика прелїгла.

Кед похопел же то людзе приповедаю о його нєсудзеней жени, а у ствари його шестринїци, од теди го вецей нїхто живого нє видзел.

Як ю прелїгла рика, так його прелїгла ноц. Найдзени є ютредзень мертви.

Були поховани исти дзень, єдно коло другого, же би голєм на тот способ були вєдно, кед им у тим живоце нє було судзене.

ДАРУНОК ДАРОВАНИ, НЄ БАНУЙ ЗА НЇМ

Кед ше ище зоз коньми орало и зоз ручну косу кошело, побрала ше єдна млада пара. Млоди був єдинєц, а и млода була тиж єдинїца. Од перших дньох малженского живота добре ше складали и у маєтку нагло напредовали. Ту ше пошвидко нашол и мали син. Роснул вон, а вони ше цешели у нїм. О даскельо роки народ-

зело ше им и дзивче.

Жем обрабяли з коньми, а у вельким хліве мали полно крави и целята. Вредно робели, алє тот силни статок цо го дома мали требало каждодньово и напавац.

У тот час ше по валалох почало зоз циментом и шлюнком бетоновац перши бетоново дражки. Ґаздови обисца попачел ше бетон як цошка нове и хасновите. Понеже по валалох у тот час нє исновал водовод, ґазда ше здогаднул як цо лєгчейше понапавац тот свой статок, та вибетоновал валов при студнї у дворе. До того валова нацагал води зоз студнї. Потим попущал конї, крави, яловчата и гачата же би ше там на валове напили води. Кед ше напили води такой ше врацали до хліва на место же би ше их повязало и же би достали єсц. Так ґазда пущал статок три раз на дзень.

Маєток ше им нагло звекшовал, та так медзи першима у валалє купели и трактор. Роки швидко преходзели, дзеци им у тей силней роботи на жеми и коло статку одросли и єдного дня їх ше дзивочка през ноц преселєла до другей фамелиї, одала ше. Син, гоч бул досц старши од шестри, остал ище вше нєоженєти зоз родичами далєй жиц.

Оцец бул горди на свойого сина и цешел ше у шицким при свойому синови, лєм ше му при нїм нє пачело тото же му давно прешло трицец роки, та гоч мал пенєжи у каждей кишенки и мал можлївосци вечарами ходзиц до валалу, нїяк ше му нє поспишовало оженїц ше.

Оцец од дзивки мал уж вельки унучата, та роздумовал же цо поробиц зоз тим його сином же би и од сина достал унучата, скорей як цо го шмерц повола. Так вон надумал же би требало дакус одщипиц зоз свойого маєтку и синови купиц авто. Ютре рано кед станули и понамиряли, гварел синови же най ше позбера, та же пойду до варошу. Кед там пошли, оцец го одведол до дутяну дзе ше предавали авта. Аж у тим дутяну оцец синови гуторел же го вон ту приведол же би син себе вибрал авто, а оцец же го заплаци. Оцец бул прешвечени же кед син будзе мац красни вельки авто же ше скорей и лєгчейше оженї, а вон постанє дїдо и по си-

новим боку.

Пригнали вони красни нови авто дому и цешели ше у нїм, алє од оцовей задумки, же после авта до їх обисца придзе и нєвеста, а потим и унучата, нїч нє було, а роки преходзели.

Родичи уж поставали вше старши и вше нервознєйши же тот їх вельки маєток после нїх нє будзе мац хто нашлїдзиц и далєй го преширйовац.

Пре нервозу шицких почали ше вше частейше медзисобно вадзиц, найчастейше прето же им син и будуци нашлїднїк ище вше леґинь. У обисцу дошло и до того, гоч ше таке теди нє случовало часто, поготов нє при Руснацох, же ше на самим остатку мац и оцец уж старши и розишли. Нє лєм так на дзень, на два, алє насправди, так же ше мац виселєла до своєй мацери.

Син нє знал кадзи зоз собу, чи остац при оцови, чи пойсц до баби за мацеру. Єдного дня, после длугого роздумованя, вишол на драгу, шеднул до авта и пошол. Авто нєодлуга застановел пред бабову хижу и там остал.

Кед тота вистка сцигла по його оца, барз ше на сина нагнївал и почал роздумовац як ше за тото вимсциц синови. Надумал же пойдзе до суду тужиц сина же одогнал спред хижи авто хтори му купел и будзе од сина вимагац же би му авто врацел.

После тужби, на суд поволани обидвоме. Обидвоме були и вислухани. Нєодлуга по випитованю, суд принєсол одлуку же у тим судским поступку, хторого ше мали притримовац обидвоме, оцец страцел суд. У толкованю писало же то так прето же тот авто бул синови даровани з боку оца. По судским праву пише же шe дарователь од дарованей ствари навики одрека и у нїяким случаю нє ма право вимагац же би ше ю дакели назад врацело. Так було и у тим случаю. Оцец страцел суд, а синови остал авто и надалєй же би ше пишел зоз нїм.

ЦЕГЛА ЗА ПОД ГЛАВУ

У гевти часи док ище трактори по тей жеми нє бежали и док ше жем виключно зоз коньми обрабяла, жили у єдним обисцу оцец ґдовец и його син леґинь.

Оцец по цали дзень робел шицко цо требало по обисцу, а син каждодньово ишол зоз коньми на польо обрабяц жем.

Було то так роками. Док син зоз коньми бул на полю, оцец за тот час робел по доме тото цо требало дома поробиц. Рано док син ище сладко спал, оцец вчас станвал и накармел и напоєл конї. Кед син станул, нафриштиковал ше, попрагал конї, та гайд на польо.

Док син на полю по цали дзень робел зоз коньми, за тот час оцец дома попораєл хлїв, вируцал гной, посцелєл у хлїве зоз суху сламу и вельо койчого поробел по обисцу.

Вечар, кед ше син вистати зоз поля дому врацел, оцец го дома дочекал и послал нука одпочивац ше, а вец сам повипраговал

конї, уведол их до хлїва, понакармйовал их и понапавал.

Ютре рано оцец ознова поцме станул, понакармйовал и понапавал конї, потим зобудзел сина. Син, кед станул, нафриштиковал ше, попрагал конї та гайд на польо.

Оцец ознова попораєл хлїв и поробел шицко по обисцу, док син през цали дзень робел на полю.

Нє робели вони так мешац або два, рок або два, робели вони так роками. Єдного дня у тей роботи анї нє обачели же оцец остарел, та нєсподзивано и умар. Розуми ше же кед оцец умар, же анї син нє бул баш таки барз млади.

Кед син оца поховал, ютре рано станул, попрагал конї та гайд на польо. Зробел вон тото так дзень, два, три... Конї з дня на дзень вше подлєйше цагали коч. Нє могли уж анї орац, анї дерляц як кед му жил оцец.

Кед му перши конь загинул, а потим нєодлуга и други, подумал себе же ше конї за його оцом так забановали, та пре жаль за нїм и вони поздихали. Нє бул свидоми же конї поздихали прето же днями нє були кармени и напавани.

Док бул його оцец живи, вон и нє знал и нє видзел же як и зоз чим його оцец кармел конї бо у тот час сладко спал. Нє бул свидоми же тераз кед оца вецей нєт, його конї були и гладни и смиядни, та прето и покапали.

После того як му конї покапали, надумал же вецей нє шме спац на заглавку прето же теди длуго шпи. Прето место мегкого заглавка под главу положел цеглу, хтора му през ноц надавела главу, та вец ставал поцме и одходзел на свойо польо робиц, а часто одходзел и на наднїцу до сушедох хторим помоц була потребна.

Так пошвидко за заробени пенєж купел и першого коня. Нєодлуга потим и другого. Теди ше научел же то конї кед ше их ма треба и кармиц и напавац.

ВИ

Побрали ше Дюра и Ганя. Понеже вон од нєй був два роки старши и глава новооснованей фамелиї, вона му од першого дня заєднїцкого живота двоєла и гуторела „Ви Дюро“.

Кед ше им потим народзели дзивчата, дзивчата им тиж обидвоїм двоєли зоз „Ви мамо“ и „Ви оцец“, и то теди було цалком нормалне.

З другого боку, у другей фамелиї росли два шестри, Ганча и Ильча, два роки була розлика медзи нїма. Росли вони так вєдно, вєдно ше бавели и дзивчели. Єдного дня Ганчу спитали. Даскельо днї пред питанками їх мац вошла до хижи дзе ше уж находзела Ильча, та єй так гварела: „Знаш Ильчо, пришла сом ци тераз повесц же, понеже ше Ганча тераз ода, ти ю после питанкох маш ословйовац зоз „Ви нино“.

Прешли питанки и Ганча пошла до нового обисца, та зоз тим доживотно постала нина, нє лєм за других, алє и за свою два роки младшу шестру Ильчу. Гоч ше и Ильча нєодлуга одала и другим постала нина, Ганча за ню навики остала нина. Так то було дакеди.

Прешло од теди вельо роки и Ильчов син ше оженєл и сина достал. Мацер синову, а свою супругу зохабел дома, а вон сам зоз коньми пошол парац на польо свою кукурицу. Док вон там парал кукурицу, сушедово свою окоповали. Коло нїх ше бавело їх дас шейсцрочне дзивче и цали час ословйовало родичох зоз „Ти тато“ и „Ти мамо“.

То ше нє пачело новопеченому оцови, поготов кед дзивче гварело свойому оцови хтори ю нє чул найлєпше, бо му у войни був очкодовани слух од штрельби дзелох и ґранатох: „Лєпше ме ту слухай, ти глухтошу єден стари“.

Кед тото млади челєднїк чул, а по приходу зоз поля дому о тим виприповедал и своєй жени, твардо одлучел же свойо дзеци, гоч кельо их буду мац, муша так воспитац же им буду мушиц гу-

ториц як и вони своїм родичом „Ви оцец“ и „Ви мамо“.

Кед дзеци гуторя родичом „Ти“ ґу тому им можу єдного дня повесц и „Ти маґарцу єден стари“, а тото од свойого дзецка тот новопечени оцец нїяк нє жадал чуц.

Кед му дзеци одросли, насправди му як оцови, а и мацери обидвойо дзеци „Ви“ гуторели.

Тоти двойо дзеци кед одросли мерали як правилнєйше учиц свойо дзеци гуториц родичом „Ти“ чи „Ви“. Гоч тим уж давно одроснутим дзецом оцец уж давно умар, а вони уж у штреднїх рокох и ище вше потомкох нє маю, а чежко же их и буду мац, та вироятно нїґда нє дознаме хтора би вариянта при тих оцових нашлїднїкох превагла, „Ви“ чи „Ти“.

ТИ СКУБ ЄДНУ, А Я БУДЗЕМ СКУБАЦ ДРУГУ ГУСКУ

Жили кедишик у обисцу оцец и його двоме синове. У обисцу окрем иншого дробного мали и два конї и єден нови и єден стари древени коч. Преходзели им так днї, оцец остарел, та и умар.

Єден ше син у медзичаше оженєл и виселєл зоз обисца. Кед ше после оцовей шмерци браца дзелєли, думали же нє маю цо вельо дзелїц, та же дзелїдба прейдзе швидко и поправдзе.

Хижа остала синови хтори у нєй и бивал, конї подзелєли каждому по єдного, алє ше медзитим при кочох нє знали як подзелїц, прето же на новим кочу були и нови драбинки, а на старим кочу драбинки нє було, та прето кажди од синох ишол на тото же праве вон тот хтори би треба же би достал нови коч з драбинками.

Праве ше на тим новим кочу браца и повадзели. Теди надумал єден з нїх пойсц до варошу и там правду поглєдац на суду. За тото нашол и адвоката хтори го на суду будзе заступац.

Ютредзень на таку задумку пришол и други брат. Пошол и вон до варошу глєдац правду за себе. И вон пошол до адвоката же би и вон бул заступани. Медзитим, случело ше тото же и други

брат потрафел до истого адвоката як и перши.

Кед други брат сцигол до адвоката и виприповедал свою бриґу при дзелєню маєтку зоз власним братом, адвокат похопел же то власни брат вчерайшого клиєнта, хтори тиж тужел брата. Кед то похопел, гварел присутному же го, нажаль, нє може заступац бо ма роботи поверх глави, алє же му вон да препоручене свойому колеґови хтори нє ма тельо вельо роботи, та же го вон сиґурно приме и будзе го заступац исто так як цо би то зробел и вон, а можебуц ище и лєпше од нього.

Так вон, щешлїви на поради, вишол на драгу и скорей як цо сцигол до гевтого другого адвоката, у нїм превладала любопитлївосц, та нє могол витримац же би нє отворел адвокатово писмо и пречитал цо то там написал другому адвокатови.

У тим писму писало тото: „Ти скуб єдну гуску, а я будзем другу“.

Кед то пречитал и похопел цо то у писму написане, скруцел зоз драги хтора го водзела до другого адвоката, та пошол писмо указац власному братови.

Кед браца писмо вєдно пречитали, похопели же вони двоме тоти гуски, та кед же так и надалєй предлужа, адвокатове их буду скубац покля их обидвох до конца нє оскубу. Потим ше порадзели же будзе лєпше кед ше вони двоме медзи собу сами порадза и догваря, та тоти єдни драбинки буду хасновац по догварки на обидвох кочох, кеди су хторому як потребни, же би нє допущели адвокатом же би их обидвох оскубали, як кед би обидвоме насправди були гуски.

ПУКАНКИ

Побрали ше двойо млади. Такой по свадзби почали жиц цалком сами. Єдного дня жена ше опитала мужови же чи вон зна хтори нєшка дзень и яке нєшка швето. Одвитовал єй же зна же нєшка пияток и то нє гоч яки, алє Вельки. Опитал ше єй чом ше

вона йому таке пита, а вона му одповедла же зна и вона же нєшка Вельки пияток, и ище додала же на тот дзень єй мац вше пукала пуканки, та же би и вона нєшка упукала пуканки, алє же их нє ма у чим упукац. Єй мац пуканки пукала у старей, уж предзиравеней шерпенї, а вони предзиравену шерпеню дома нє мали.

Чловек ше на тото зачудовал, та єй гварел же його мац вше пукала пуканки у шитку зоз хторим през цали рок ошивала муку. На тото му жена одповедла же вони у обисцу анї шитко нє маю.

Кед чловек пошол вонка по роботи, вона роздумала же би могла часом пойсц до дутяну и купиц шитко, же дзираву шерпеню нє може нїґдзе купиц бо дзирави шерпенї нїхто нє предава. Пошла и купела нове шитко, пришла дому, розбовчала огень и насипала пуканковей кукурици до шитка. Положела го на горуци шпоргет, лєм же нове шитко було справене цале зоз пластики, та ше почало нагло пущац на горуцим шпоргету. Вона ше барз злєкла та почала врещац. Кед муж на дворе чул же вона врещи, прибегнул нука опатриц цо ше стало. Кед го на дзверох обачела, вилярмала ше на нього: „Видзиш, видзиш, кед тебе слухам! Купела сом нове, новучке шитко и воно ше ми такой ту розпущело! Лєпше би було кед бим

предзиравела даєдну од шерпеньох цо зме их нательо на свадзби за придани подоставали. Шерпеня би ше нє розпущела як тото шитко, зоз нєй би ше ми нєвипукана кукурица тераз нє порозсиповала по цалей кухнї, а могла сом шерпеню зачувац и за други раз кед пожадам єсц пуканки.

Теди нє роздумовала же єй мац нє пукала пуканки у предзиравеней шерпенї прето же за пуканє пуканкох шерпеня муши буц дзирава, алє прето же єй було жаль и чкода на горуцих ринґлох препальовац нову шерпеню.

ОДАЛА ШЕ ШИРОТКА

Слово широтка ше хаснує за особи хтори свой млади живот препровадзели без єдного лєбо обидвоїх родичох.

Єдна млада жена, хтора була широтка без мацери, ше одала. Прешла вона зоз оцовей фамелиї до фамелиї свойого мужа. О рок ше им народзело малючке дзивчатко. Млада мац при кресценю пожадала же би єй дзивчатко достало мено по єй покойней мацери хтору скоро анї нє паметала. Скорей одходу на кресценє, дома ше родичи и кумово радзели же яке мено дац дзецку. Прилапени був мацеров предклад же би ше мено дзивчецу дало по баби, покойней мацеровей мацери.

У церкви покресцели дзивче як требало и пришли дому. Дома дзецочко плакало и нє змирйовало ше. Плакало воно, а дзеповєдни присутни старши гуторели же то нормалне же дзецочко плаче, прето же є малючке. Шицки малючки дзеци плачу. Плакало даскельо днї и нє дало ше ублагац. О даскельо днї престало плакац. Спало воно даскельо годзини. Кед пришол шор же би го мац надойчела, подзвигла го ґу себе, алє ше воно нє будзело єсц. О даскельо хвильки кед го мац нє могла пребудзиц, похопела же вона дзецочко анї нє пребудзи, прето же воно умарло.

Поховали дзецочко и наздавали ше же им Бог о рок подарує друге дзецочко, ша ище були млади.

О рок насправди достали друге дзецочко и знова дзивче.

Кед го требало до церкви однєсц покресциц, кед ше радзели яке мено дац дзецку, нашла ше якашик валалска баба. У валалє кажде о каждим шицко зна, так ше знало же у тим обисцу пред роком умарло лєм цо покресцене дзецко. Цудза баба совитовала младих родичох же би на кресценю дали дзецку мено дакого живого зоз фамелиї, же би дзивче длуго и вельо роки живе на тим швеце остало.

Мац валалску бабу вислухала, совит послухала и дзецку дала мено по живей шестринїци. Чи то справди так треба при кресценю робиц и давац мено по мену живих, а нє мено мертвих то може буц леґенда. Чи то леґенда, чи можебуц справди треба живим давац мена лєм по живих тото нє доказане.

Дзивче хторе по живей мацеровей шестринїци достало мено остало живе, одало ше, постало мац, а кед Бог да, будзе и баба, лєм кед ю сам Бог скорей того нє повола ґу себе як цо поволує каждого з нас, лєм дакого повола скорей, а дакого познєйше. Ми о тим нє одлучуєме.

II

НЄЗАОБИДЗЕНА СУДЬБА

У валалє жили ґазда зоз жену, їх лєм цо народзеним дзивчецом и ґаздову мацеру. Жили у злоги и щешлїво, док ше жена єдного дня нє похорела и пошвидко умарла.

Оцец ґдовец ше нєодлуга оженєл зоз другу жену, та його дзивочка достала мачоху. Пошвидко достали дзивче, а потим и хлапчика. Жили як и кажда зложна фамелия, жем обрабяли та и пчоли мали. Єдного дня ґазда ше нєсподзивано знємирел, кед вошол до заднєй хижи и там на било обилєним муре видзел слику двох коньох и за коньми виврацени полни коч, а под кочом видзел себе прициснутого.

Знємирени, о тим цо видзел у заднєй хижи повидомел и супругу. Кед пошла до заднєй хижи опатриц слику яку на муре видзел, вона ю нє видзела. Видзела лєм чисти били мур. Кельо раз вошол до заднєй хижи вше слику на муре видзел, та ю указовал и велїм другим, алє окрем слику нїхто нє могол видзиц. На остатку, нєзвичайну слику на муре указал и своєй першей швекри кед пришла опатриц свою унучку. На його вельке чудованє, вона єдина од шицких цо им указовал слику на муре видзела исте як и вон.

Знємирел ше ище баржей и надумал пойсц до жени у валалє хтора ше занїмала зоз нєстварнима подїями. Була подозрива спрам приповедки, алє го нє вишмеяла. Пришла зоз нїм опатриц мур. На його запрепасценє, и вона видзела шицко исте яке видзел и вон. Поцешела го зоз словами же зоз своїма моцами направи же би го од того цо видно на слики охранєла покля вона жиє. Гварела му же на слики хтору лєм дахто могол видзиц предсказана його кончина.

Робел надалєй по обисцу, обрабял жем, мал и вельо кошнїци пчоли, алє вше го знємирйовала слика на муре у заднєй хижи. Робел, добре му ишло у живоце, та ше надумал одселїц зоз тей хижи же би го нєствarна слика на муре нє прешлїдзовала цалого живота. Порадзел ше зоз фамелию и нєодлуга купел вельку порту на концу валала и почал будовац за гевти часи барз вельку хижу. Попри хижи збудовал ище и вельки хлїв, як и шопи за коч и рижни орудия хтори мал, та и за пчолово кошнїци хтори мал надосц.

Робел вредно. З рока на рок садзел вше вецей капусти бо дзе бивал була подводна жем, та там капуста добре родзела. Випродуковану капусту розвожел и предавал по валалох дзе була висша жем и дзе капуста подло родзела. Шицко робел з коньми и на кочу. Часто одходзел предавац капусту и досц далєко.

Живот му швидко преходзел. Одал старшу дзивку и цешел ше же нєодлуга постанє дїдо, а мал лєм штерацец єден рок.

Єдного дня накладол полни коч капусти хтора окреме добре наросла. Попрагал конї и рушел до валалох дзе була висша жем у намири же ю попреда швидше и драгше, та ше швидко и враци дому. Драга була далєка. Одходзаци по каменей калдерми єдному коньови одпадла подкова, подбил ше та почал храмац. Кед обачел же му конь храме, склонєл ше на босу драгу хтора ше пресцерала з лївого боку калдерми. Гонєл коч по лївим боку и роздумовал же як попреда капусту. У єдней хвильки ше зоз процивного напряму зявел вельки камион, яки теди було мало. Бул полни зоз свадзебнима госцами. Вожач нє видзел коч на босей драги, та ше зоз вельку швидкосцу очухнул коло коча. Коч ше превращел, а кочияш спаднул з коча, главки капусти попадали за нїм, а на остатку коч шицко прициснул.

Камион зоз свадзбу предлужел по своєй драги и док нє наишли други людзе же би кочияша виратовали, кочияш под терху коча умар.

Шицки тоти цо паметали же як покойни описовал слику на муре у заднєй хижи и кед видзели тото цо ше зоз покойним случело, аж теди похопели же ше покойному на муре указовала його

кончина и шмерц.

ЗОЗ ЧАРНИМ ЗАПИСАНЕ НА БИЛИМ МУРЕ

Дакеди ше худобно и шпоровно жило, мерковало ше на кажди заробени динар. Чловек штреднїх рокох концом рока надумал же початком идуцого рока почнє до хлїва на били, швижо обилєни мур записовац кельо пенєжи з дня на дзень у идуцим року потроши.

Як здумал так и зробел.

Записовал же кельо през тидзень потрошене у дутяну, кельо плацене шприцованє швиньох, кравох, псох, потим кельо виплацене за поляра, швиняра, кравара и шицко друге за цо ше каждодньово през рок у обисцу трошел пенєж.

Преходзели дзень за дньом, били мур у хлїве цеком рока бул вше баржей виписанши. Кед рок прешол, ґазда почал здавац рахунки. На концу ше тельо назберало, же нє могол анї задумац же його фамелия през рок могла тельо пенєжи потрошиц. Було му жаль за телїм пенєжом, та ше сам преглашел за паразита и розтрошнїка. Нательо ше розчаровал до себе и до живота же подумал же чловек як вон нє завредзує жиц на тим швеце и надумал ше скончиц. Надумане и поробел. Обешел ше.

Цо зоз собу поробел на час видзел сушед и виратовал го. Остал живи, та у розгварки зоз нїм найблїзши му ше опитали же як могол таке поробиц. Гварел им же од себе видзел паразита, бо лєм паразити можу през рок телї пенєжи потрошиц, так яґод кед би ше пенєжи просто розруцали. Же би го домашнї у злей намири ублагали, опитали ше му чи вон подумал же як до тих пенєжох дошол? Чи их од дакого украднул? Одвитовал же нє.

Помали го през бешеду змирели и прешвечели же є нє паразит пре потрошени пенєжи. Гварели му же пенєжи зарабяю и троша и шицки други людзе на швеце. Кед ше пенєжи троша розумно и розмирно як цо ше и зарабяю, вец ше не може буц пара-

зит.

Чловек вислухал шицких коло себе и похопел же погришел теди кед на били мур нє записовал и тото кельо заробел през рок, кельо достал за предану кукурицу, жито, швинї и шицко цо през рок зоз фамелию виховал и попредал, а за достати пенєж шицко нараховане покупел и пенєжи потрошел.

Од теди нїґда вецей нє записовал на били мур у хлїве же кельо потроши, похопююци же пенєж ту же би ше го зарабяло и трошело, и за нїм нїґда нє бановало.

И ДРУГИ ТАМ ШПЯ

У валалє жили брат и його шестра. Брат ше оженєл, мал свою фамелию и свою хижу. Шестра ше нє одавала и нє мала власну хижу, алє жидлярела у єдней хижки на дворе прейґ драги од свойого брата.

Дакеди школованих лїкарох нє було вельо, а вона мала дар за лїкарство од малючка, та як самоука помагала людзом. За тото цо вона робела людзе гварели же є врачарка. За ню як „врачарку“ шицки наоколо знали. През дзень людзе ґу нєй часто доходзели по рижну помоц. Вона людзом помагала, а за єй помоц людзе єй вше дацо подаровали, та од того жила.

Цо вона през дзень роби шицки з околїска знали и були зоз єй роботу задовольни. Нїхто о нєй нє знал, та анї єй власни брат хтори бивал прейґ драги, же ґу нєй през ноц приходзели рижни траваре хтори єй приношели рижни трави зоз хторих справяла рижни мелеми, теї и масци.

У штред горуцого лєта, кед єй брат вноци спал под конком, под комарнїком, зачул як прейґ драги пред хижу, дзе му шестра бивала, хтошка дурка до облака. Станул, вишол спод конка на капурку як прави хлоп, та ше озвал нєпознатому же чом лопоци до облака и цо ше надзера. Нєзнанєц му одвитовал же є путнїк и же глєда за себе ноцнїк. На тото цо чул, а же би охранєл свою шестру,

нєзнанцови гварел же най ше склонї од того обисца, алє най идзе на конєц валала, думаюци на теметов, там дзе уж вельо людзох шпи, та най ше и вон там до рана випросци и одпочинє, а нарано най предлужи далєй. На тоти слова нєзнанєц му одвитовал же и вон нєодлуга будзе спац на концу валала.

Ютредзень чловек шицким у обисцу приповедал же цо дожил прешлей ноци, а приповедка ше почала шириц и по валалє. И наисце, о нєполни два тижнї, гоч анї нє хоровал, бул однєшєни спац на конєц валала ґу шицким другим хтори там уж длуго спали.

Чи нєзнанєц насправди знал покля будзе жиц, чи ше лєм то так случайно случело, нїґда ше нє дозна.

ЯВНА ХИЖА

Часто ше у народзе може чуц присловка „пришли часи же курче мудрейше од когута“. Розуми ше же ше ту у першим шоре дума на чловека, бо тераз млади людзе мудри и школовани. Алє, нє було вше так.

Вельо койчого цо старши знали, од младих ше гнєтка скривало и пред младима ше шицко нє бешедовало. Млади часто нє похопйовали велї слова цо старши медзи собу у шифрох бешедовали.

Єден син рано станул. Рихтаюци ше до школи глєдал амрел, бо вонка ляло як зоз кабла. Глєдал амрел, алє го нє могол найсц. Опитал ше оцови же дзе ше амрел подзел. Оцец пред тим вечар бул у варошу, а мал зоз собу и амрел. Кед ше врацал дому диждж престал падац, на амрел забул, та го зохабел там дзе уж бул.

Син ше оцови културно опитал дзе амрел. Оцец ше вдерел по глави, та му одвитовал же го вчера вечар забул у явней хижи.

Так син пошол до школи по дижджу без амрела. Кед ше врацал дому зоз школи, як добри и послухни син жадал оца услужиц и зайсц по зохабени амрел. По улїци ше розпитовал дзе ше у ва-

рошу находзи явна хижа.

Накадзи вишол зоз школи стретнул єдну бабочку та ше єй опитал, як старшей и искусней, же чи можебуц нє зна дзе ше у варошу находзи явна хижа. Старенка бабочка на нього скричала як го нє ганьба єй старенкей таке дацо ше опитац и дала му позауха.

Зачудовани зоз бабочкову реакцию и поступком, стресол зоз главу и рушел далєй по варошу. Стретнул драгом пана, та ше и йому опитал же чи зна дзе ше у варошу находзи явна хижа. Кед пан похопел цо ше му челєднїк пита, так го пляснул же челєднїк истей хвильки шицки гвизди почитал.

Нє було му ясне прецо ше му то случує, та одлучел же ше вецей нїкому нє будзе нїч питац. Було му жаль нє найсц амрел, та заш лєм кед стретнул першого полицая, одлучел ше му исте опитац, думаюци же би полицай мушел знац дзе ше цо у варошу находзи, та и дзе тота явна хижа.

Кед ше полицайови опитал исте и тот похопел же цо ше му школяр пита, аж му и вон добре залїпел позауха.

Хлапец през плач и зоз слизами у очох прегварел: „Ша, я думал же ви мудри чловек, та ме голєм ви як полицай упуцице и повеце ми дзе ше у варошу находзи тота явна хижа“.

Полицай ше аж теди вилярмал на школяра зоз словами: „Будз щешлїви же сом ци пре таке питанє лєм позауха дал, же сом ци нє угнул зоз корбачом по хрибце.“

Школярови нє було ясне прецо ше йому таке случує. Зоз горучку у лїцох и без амрела рушел дому.

Кед го оцец видзел на уходних дзверох зоз начерветима лїцами и ухами, почал ше шмеяц, та ше синови опитал же хто му так крашнє начервенєл лїца и уха. Син одвитовал же му то од амрела хторого по варошу глєдал, а заш лєм пришол дому без нього, бо го шицки людзе шором по варошу пре вигварене слово явна хижа вигандровали и дали му позауха.

ШТВАРТИ СИН

По законченей войни у держави погинул вельки процент жительства. Державни власци дали жительству на знанє же хто ма у обисцу найменєй штирох лєбо вецей синох за пристановиц, най их цо скорей оженя и подзеля им власни маєток на ровни часци. Родичи себе за хаснованє можу зохабиц хижу зоз двором и загради. Хтори родичи по то поконча и приявя власцом, достаню од держави националну пензию од хторей годни вижиц по шмерц, а синове най ше стараю коло маєтку и най стваряю нови численши фамелиї же би ше утрата страченого людства у войни цо скорей надополнєла.

Вибуґнована вистка дошла и до оца фамелиї хтори у обисцу ховал трох синох одроснутих за женїдбу. Спрам обявеней оглашки фамелия нє сполньовала условиє на националну пензию, хибел им у обисцу штварти син. Пре нєдостаток єдного сина же би их було штирме були смутни и розчаровани.

По двох, трох дньох оцец здобул шмелосци и озвал ше ґу супруги же єй ма цошка важне повесц, кед му твардо обеца же ше нє будзе зоз нїм вадзиц и гнївац ше. Твардо му обецала же ше нє будзе зоз нїм вадзиц, анї же ше нє будзе гнївац. По обецунки єй виволал же далєко у єдним валалє ма сина подобного їх сином хторого остатнї раз видзел кед мал два роки. Тераз кед зоз синами настало актуалне хто их у обисцу кельо ма, гварел єй же би пошол обисц сина и поволац го же би у обисцу бул штварти син.

Жена ше зоз нїм нє вадзела, алє видзела добру нагоду за достац пензию, та го порихтала за далєку драгу. Скорей швитаня станул, пооблєкал ше, та рушел на драгу до далєкого валалу дзе ше находзел син зоз мацеру.

Кед ранши пацери дзвонєли, бул гет у хотаре и швидко крачал напредок. Кед прешол велї валали и сцигол до валалу дзе му ше находзел син, почал ше розпитовац. Чловек хтoрому ше опитал, гварел му же им праве вон идзе вочи. Кед ше стретли, оцец ше

перши озвал, гварел же хто є и опитал ше синови же чи вон, його син.

Швидко ше у бешеди зложели, а кед оцец сина поволал до свойого обисца, син гварел же му то нє може виполнїц прето же ше стара о хорей мацери у кочику, та мацер нє може зохабиц саму. Док бешедовали, син гварел же муши понагляц дому дац мацери полудзенок, та поволал и його же би ше при полудзенку и з мацеру о шицким подогваряли. Так и було. При полудзенку ше догварели же вон пойдзе зоз оцом до оцового дому як штварти син, та док оцец достанє националну пензию, а синови док зродзи жем хтору достанє од оца, теди ше вони двоме остараю и о хорей мацери.

Син по полудзенку попаковал свойо найнужнєйше до зайди и рушел зоз оцом же би му був штварти син. Драгом ше оцец вельо наприповедал и нахвалєл о своїх трох синох бетярох, яки маю красни дзивки зоз хторима их нєодлуга поженї, кельо му синове маю пайташох и пайташки, же каждого вечара у нїх весело пре вельо дружтва пред обисцом.

У бешеди и драгу по хторей крачали швидко прешли и сцигли под валал кед почали дзвонїц вечарши пацери. Требало прейсц през валал и буду дома. Прекрачали цали валал и вошли до улїчки дзе була оцова хижа. Хвильково ше так зацмело же було цма як у гробе. Од велького шветла пред оцову хижу и гласного дружтва оцових синох и їх пайташох и пайташкох нє було нїчого.

Сцигли по оцову хижу дзе и капурка була замкнута. Оцец ше нашол у чуду прето же знал же капурку нїґда нє замикали. Пошвидко нашол заардзавени ключ од капурки, одомкнул и вошли до двора дзе було тиж цихо и цма. Вошли и до приклєта дзе оцец по мену поволал синох же би их упознал зоз штвартим сином и їх братом. Синове ше анї нука нє озвали. На концу возбудзени и розчаровани, поволал супшугу хтора ше зоз заднєй хижи озвала смутно и поцихи, яґод кед би єй глас приходзел зоз самого гроба.

Запалєл шветло и вошол до заднєй хижи ґу жени и гербно єй представел приведзеного сина. Опитал ше єй дзе їх троме синове, же би им указал штвартого сина и їх брата, на цо му вона

одвитовала же як цо вон пошол по свойого сина же би му у обисцу бул штварти, так и други оцове пришли по своїх синох.

Така ситуация ше случела кед оцови у обисцу хибел штварти син.

ВЕЛЬКА ЗАВИСЦ

Хто пораднє ходзи до церкви зна казань о талантох хтори паноцец наказує каждого року. То нє лєм наказованє зоз церкви, зоз таким ше може стретнуц и у каждодньовим живоце.

Жили у єдним валалє двоме братняци хтори, сцели чи нє, єден од другого завишели, мушели ше стретац и комуниковац. Осифови оцец умар док бул легиньчок, старши шестри ше поодавали, та остал у обисцу сам зоз мацеру. Лєм цо наполнєл осемнац роки надумал ше оженїц. Млода мала лєм шеснац роки. Побрали ше. О рок ше нашло и дзецко, їх дзивочка Марча.

Осиф шицко могол и знал поробиц, як у обисцу, та так и на полю, та би им щесцу нє було конца, лєм кед би ше му нагло и нєсподзивано нє похорела жена Ганча, та нєодлуга и умарла. Осиф на двацец єднен рок уж бул ґдовец зоз малим дзецком.

На прежите нє патрел як на барз вельку траґедию, та ше нєодлуга ознова оженєл и преширйовал фамелию, обрабял жем, садзел капусту, ховал пчоли.

Цо и як Осиф роби и жиє, з далєка и сподока патрел дальши братняк Михал зоз истого валалу, и завидзел як Осифови шицко идзе од рук. Просто пукал од зависци.

Вжиме, кед вонка було жимно и шицко було завяте под шнїгом, Осиф анї теди нє геверовал. У приклєце пошивал вєшенї при ораню потаргани штверци, же би були порихтани за ярнї роботи з коньми на полю.

Єдней жимскей соботи кед закончел зоз пошиваньом штверцох, уж поцме надумал пойсц до байбера ше обритвиц, дзе ходзел пораднє на штриганє и бритвенє, а плацел на рочним уровню зоз

житом, кукурицу лєбо иншим, по догварки зоз байбером. Так ше Осиф, понеже сцел закончц зоз пошиваньом штверцох, на концу обавал же чи тераз пре тото нє запожнї до байбера. Алє мал щесца, бо кед сцигол до байбера, братняк му бул на виберкох бо го байбер праве обритвел, а на шор чекали ище даскельме хлопи.

Михал видзел же Осиф зоз цмоти вошол до байбернї, а вон одходзел до цмоти. Пре тоту вельку зависц спрам Осифа, надумал го дочекац у цмоти, вимсциц ше му и престращиц го док будзе исц дому, гоч нє знал анї сам прецо би то зробел.

Надумане и витворел. Вошол до першей крижней улїчки и чекал. Кед чул крочаї у древених папучох, знал же то идзе Осиф. Зруцел зоз себе чежку бунду зошиту зоз нєоштриганей овчей скори. Кед ше Осиф приблїжел, Михал вишол опрез нього и руцел му бунду на главу. Нєсподзивани Осиф ше пошлїснул у шлїзкацих древянкох и спаднул на зоз цеглох поскладану дражку. Михал го спаднутого побил прейґ бунди по глави и цалим целу.

Понеже Осиф пре жиму тримал руки у кишенкох, а у ки-

шенки му од пошиваня штверцох остало шидло, вон зоз тим шидлом преджобнул и свою кишенку и бунду и того цо лєжал на нїм.

Кед тот цо лєжал на Осифови почувствовал же є зоз чимшик оштрим наджобнути, зйойчал, нагло скочел и зоз бунду ше нагло страцел у цмей улїчки.

Осиф станул, у шнїгу нашол свойо древянки и пошол дому. Дома о тим приповедали даскельо днї, док ше нє збуло инше нове, а о тим ше поступнє и забуло.

Осиф би нїґда анї нє дознал хто го то там вноци з бунду на жем зруцел, кед би му то братняк Михал сам нє виволал зоз словами: „Е, брате мой, у мнє горела велька зависц спрам тебе, та же бим ю загашел, надумал сом це там у цмоти престраших, алє ти мнє престрашел зоз оштрим щидлом, пре хторе сом мушел пойсц и до дохтора, и прелєжац цалу жиму.“

КОГО ВИПРОВАДЗИМ, ПОЖИЧЕНЕ МИ НЄ ВРАЦИ

У фамелиї ше народзел хлапчик. Роснул здрави. Дзецинство му швидко прешло и постал красни леґинь, та го оцец и оженєл. Прешло можебуц рок, жена ше му нагло похорела и ище швидше умарла.

Од давен-давна, та и по тераз медзи народом панує присловка же перша жена чловекови дата од Бога нєбесного, а друга жена, кед же ше муши по други раз оженїц, дата од людзох, понеже ґдовца женї цали валал и то найчастейше зоз ґдовицу.

Так и з тей нагоди людзе ґдовца оженєли. Нова пара жила длуго у злоги и любови. През заєднїцки живот и дзивку єдинїцу достали и одховали. Дожили же ю и одали и унучата достали.

Кед уж бул дїдо и друга жена ше му тиж похорела. Нє хоровала длуго, та пошвидко и умарла.

Дїдо по хованю остал сам, а нє знал себе анї увариц, анї ше орайбац, та ше надумал оженїцознова, по треци раз.

Людзе за женїдбу по треци раз гваря же треца жена до мал-

женства чловекови приходзи од дябла. Озда так гуторя и прето же чловек кед ше по треци раз оженї, же є при узретих рокох, та же ше старши чловек женї пре иншаки потреби и причини як кед є цалком млади.

Чул же у сушедним валалє жиє ґдовица, та ю надумал спитац. Позберал ше и истого вечара пошол бабу питац. На дїдово спитованє баба длуго нє роздумовала, алє ше пристала одац.

Дїдо, ютредзень як ше баба пристала одац, пошол до валалского паноца повидомиц го и попысац их за винчанє. Понеже були ґдовец и ґдовица нїяки им препреченя нє стали на драги же би ше побрали и повинчали.

Паноцец, кед од дїда чул новосц, а од хованя дїдовей покойней баби нє прешло вельо, так дїдови гварел: „Бачи, вашей покойней ше у гробе анї ноги цалком нє охладзели, а ви ше уж ознова надумали оженїц“. Заш лєм их нєодлуга повинчал.

Жили так дома дїдо и баба. Конї дїдо попредал, жем дал робиц споли, а вон сам, же би ше нє шпотал коло баби, по цали

дзень шедзел на драже на лавочки и каждого хто преходзел койцо випитовал и дошпинтовал.

Так ше то случовало и кед дакеди коло його хижи по драже преходзело и хованє. У тедишнї часи кед дахто у валалє умар, покойне єден дзень и єдну ноц лєжало у труни вистарте дома у преднєй хижи „под греду“, а потим ше го зоз процесию провадзело на валалски теметов, до за ньго порихтаного гроба.

Док дїдо так днями шедзел на драже, а понеже велїм знал дзекеди и подвалїц, та аж и уквилїц, дзепоєдни му на тото нє оставали длужни.

Дзекеди ше му знали опитац же кед є геверни и днями шедзи на драже, прецо вец нє ходзи голєм на хованя. Дїдо на кажде, та и на таке питанє мал порихтани одвит. Одвитовал же кед дакому дацо и пожичел, та обчековал же би ше му пожичене и врацело. Знал же му покойни, однєшени у труни на теметов, нє придзе на хованє и нє враци му пожичене, та прето нїкому нє жадал анї жичац.

Преходзели роки, дїдо вше менєй шедзел на драже, та єдного дня и йому дзвони шмерц оглашели. Ютредзень, у пополадньових годзинох и того дїда як и велїх скорей нього на теметов велї випровадзали. Дзешка на пол драги єден його сушед вишол зоз процесиї и рушел на свою роботу.

Там го при дзверох чекали даскельо муштериї, та му гварели же го чекаю, та тераз и вон ту ґу нїм мушел присц, та нє одпровадзи покойного по гроб, як тому шор. На тото им гварел „Ша людзе, я го випровадзел голєм пол драги, а док я умрем вон мнє нє випровадзи анї тельо кельо я тераз випровадзел його.“

РЕЙТЕШИ ЗОЗ ПОСЦЕЛЇ

У дакедишнїх часох шицко иншак було як цо то тераз, коло шицкей роботи та так и коло тлачидби.

Жито ше дакеди кошело зоз косу, потим ше одберало, вязало

до снопох, а вец снопи складало до крижох. Кед ше жито у снопох добре осушело, на древених кочох хтори цагали конї звожовало ше го дому. Дома ше чекало шор на машину, трешку, як и людзох хтори при машини робели.

За тоту роботу требало вельо людзох, єдни зоз брадла ношели снопи и кладли до машини, други витлачене жито у мехох ношели на пойд, треци складали сламу до брадла, штварти ношели плєву до плєвнїка. Шицки були поєднани так же у того ґазди дзе ше тлачело, там мали и костиранє.

Же би ше телїх роботнїкох у єдним обисцу и накармело, ґу ґаздинї була поєднана ище єдна жена хтора знала и сцела помогнуц вариц. Док ше полудзенок варел, кухарка сцагла парток зоз стола, алє видзела же стол справени зоз дескох викресаних лєм зоз шекеру. Питала ше ґаздинї як вона на таким нєровним столє може цагац цесто за рейтеши.

Ґаздиня єй на тото одвитовала же вона рейтеши анї нє розцагує на столє. Потим розсцелєла посцель, порозруцовала перини и заглавки зоз посцелї, та на керпару розпрестарту на сламнячи розпрестарла ткани руски парток.

Потим гварела кухарки „Пать, яке ту на керпари ровне, же ровнєйше за цаганє рейтешох нє може буц. Я вше ту розцагуєм цесто.“

Понеже ґу тому пристава народна присловка „Вяж коня там, дзе ци ґазда розкаже,“ кухарка ше влапела до роботи.

На партку престартим на керпари, розцаговала цесто так як єй ґаздиня гварела. Кед рейтеши були упечени и полудзенок уварени, шицки роботнїци хтори робели при машини, були повołани пошедац ґу столу полудньовац. Смачнє ше понаєдали. А вец ше сладзели зоз смачнима рейтешами.

Єдина хтора рейтеши анї нє покоштовала була жена хтора цагала и пекла рейтеши. Людзе барз хвалєли добру руску лакотку, а вона була цихо.

После одредзеного часу дознало ше чом кухарка нє єдла рейтеша. Приповедала по валалє же анї нє покоштовала тото цо

другим пекла, бо ше єй аж ґадзело кед подумала же вона през дзень розцаговала цесто там дзе ґазда и ґаздиня вноци спали и хто зна цо ище нарабяли.

ЯК ВИЗНАЦ ХТО КРАДОШ?

Кедиш давно зявел ше у валалє крадош. Краднул шицко цо му спадло под рук, шицко му требало. Вше краднул през дзень у празних обисцох, дзе пред тим випровадзел ґаздох зоз обисца. Людзе у валалє ше знємирели и бали за чежко заробени пенєж, прето же вше були покраднути обисца хтори дзень-два пред тим як цо су покраднути предали дацо вреднєйше зоз обисца, як яловче, гаче лєбо викарменого шудова.

Тот хтори по валалє окрадал був добре упуцени же кеди хто и цо у валалє предал. Окрем пенєжу краднул облєчиво, ткани партки, плахитки и подобне цо ше му уж у датим часу попачело.

Нашо предки мали звикнуце пенєжи одкладац до орманох, до святочного облєчива и под заглавки у запосцелєних посцельох, прето крадош пенєжи найчастейше глєлал, та и находзел на спомнутих местох. До хижох уходзел през замкнути дзвери, на способ же зоз собу мал деску даскельо пальци длугшу як цо були широки удзверя. Зоз деску розважел удзверя до мура зоз набиваней глїни и валькох до хторих ше удзверя дало розшириц кельо требало же би ше дзвери отворели. Вошол нука и глєдал наздавану громадку пенєжу. Кед нашол пенєж, зоз хижи виходзел на исти способ як и вошол. Вишол през отворени дзвери, до розширених удзверйох за собу дзвери завар и на остатку вибил деску зоз розширених удзверйох. Удзверя ше зишли и зужели, а дзвери остали замкнути яки були и пред тим як их отверал.

Покраднути кед пришли дому нїч нє обачели, дакеди аж и по наиходзацу нєдзелю кед ше пошли ґу орману у преднєй хижи преблєкац на одход до Служби Божей. Кед отворели орман, аж теди обачели же им у орманє хиби нова, за до церкви кошуля лєбо хустка, лєбо нови руски парток хтори ґаздиня надумала през нєдзелю престрец на стол. Дзекеди зоз ормана хибели аж и дзецински крижми.

Крижма було платно хторе кума куповала кумчецу пред кресценьом, же би ше дзецко у тим покресцело. По кресцинох велї родичи платно у орманє чували як свойофайтову памятку свойому дзецку на кресценє, як памятку на нєкаждодньови дзень у його живоце.

Крадза ше случела у кратким периодзе у даскелїх обисцох у валалє, та ше людзе знємирели, нє знали цо робиц. Младим требало пойсц робиц на польо, а на полю роздумовали же док пойду дому чи найду шицко у порядку, чи можебуц и вони нє найду окраднуте обисце.

Баби, ґдовици хтори жили сами, а були окраднути, обавали ше пойсц и до церкви, же чи их скаранїк нє провадзи и ознова исте пороби.

Хтори нє були покраднути нє жадали так прейсц, та ше и

вони бали од крадоша. У медзичаше ше зявели индиції же хто тото могол поробиц, алє ше нїч нє могло направиц без доказох.

Знємирени баби ше наостатку догварели же им нє остава нїч друге лєм позберац ше кажди вечар у єдней з нїх и модлєлї ше Богови нєбесному же би цали валал очувал од безочного крадоша, а крадошови же би дал заслужену кару!

Нїґда ше точно нє дознало же хто то по валадє окрадал людзох. Баби хтори вечарами модлєли дзевятнїцу же би ше визнало хто крадош, були твардо прешвечени же добру ствар поробели, прето же ше хлопа, на хторого сумняли же краднул по валалє, пекла совисц, а нє мал шмелосци присц явно припознац же то вон. Нєодлуга як ше баби модлєли, скочел до жимного Дунаю дзе ше и задавел. Баби до доброго дїла були цалком прешвечени, гоч нїґда урядово нє доказане же крадош по валалє бул праве тот на хторого вони думали.

По його хованю, кед го нашли задавеного у Дунаю, у валалє вецей нє було крадзи. Баби були прешвечени же крадошовей кончини допринєсло и їх модлєнє дзевятнїци же би ше правда дознала.

О тей подиї коло крадоша и бабох людзе у валалє єден час бешедовали покля на шор нє пришли други нови подиї. Стари подиї, та и крадзи зоз часом позабувани. Од теди шицки тедишнї, а и велї познєйши баби поховани, а и тедишнї крадзи у їх памяткох пошли зоз нїма до вичносци.

КЕНҐУРОВО МЕСО

Шицки хтори го од малючка познали, знали го як барз любопитлївого. Вше ше любел вельо випитовац. Цо тото? А цо гевто? Зач тото служи? А чом є таке? А прецо гевто иншаке?

Роки преходзели, зоз любопитлївосцу и одроснул, та сцигол и до штреднєй школи учиц ше за тарґовца. Ходзаци до тарґовецкей школи, ходзел и на практичну наставу.

На практичну обуку любел ходзиц прето же го тарґовецке

поволанє прицаговало и цикавело. На пракси паковал овоц и желєняву, та таке попаковане и вимеране виношнел и складал у дутяну на полїчки. Кед при пакованю овоци нє було роботи, а у месарнї требало помогнуц при пакованю и мераню швижого меса, поволали го же би им помогнул.

И дома вельо раз робел и помагал коло меса, понеже му оцец голєм два раз до рока правел забивачку, за Кирбай и за Крачун. Робота коло швижого меса му нє була нєпозната. Паковал до мещкох рижни файти меса, од фалаткох похребцини прейґ покруткох и печинкох, та и ратички. Цешел ше же зна робиц тоту роботу и як му то крашнє идзе, та го старши хвалєли.

Пришол шор и на мех полни зоз йому нєпознатим месом. Як и вше любопитлїви, опитал ше месарови же од якей животинї месо у праве начатим меху. Месар бул вше порихтани на франту, та му одвитовал же у меху месо од кенґура.

Попатрел на месара зоз нєверлївосцу, бо таку файту меса кед дома клали прашата, ярчата, кури и заяци нє видзел, алє мушел вериц же то так як месар гуторел.

Попаковал вон тото, як месар гварел, кенґурово месо, вимерал кажду тацночку окреме, однєсол го и поскладал до предавальнї. Пришол час за пойсц дому, та пошол дому.

Ютредзень кед пришол до школи, пошол и до дутяну купиц оловранти. Пре превельку любопитлївосц и жажду же би коштовал кенґурово месо, окрем оловрантох до кошарки положел и єден менши пакецик того меса.

Кед пришол дому, родичи му були на полю ламац кукурицу, а требало му понапавац и накармиц смиядни и гладни статок у хлїве, швинї у оборе, кури, качки и гуски хтори го смиядни чекали на дворе. Скорей шицкого розкладол огень же би ше док робел по дворе, уварело кенґурово месо док родичи нє приду зоз поля. По вонку робел и з часу на час наиходзел ґу шпоргету накласц на огень и до меса доляц води хтора виварла. Цо ше длужей варело, тото кенґурово месо було вше твардейше и нїяк же би ше уварело. Уж ше и слунко почало скривац на горизонту и родичи лєм цо нє

пришли зоз полним прикочом кукурици зоз поля, а месо ище вше тварде, та тварде.

Злєкнул ше цо му поведза родичи, та надумал кенґурово месо хторе ше нє сцело увариц винєсц на драгу и шпуриц го цо далєй од хижи. Здумане и поробел, а о поробеним родичом нїч нє ґуторел.

Док бул ище мали, оцец му даскельо роки робел у месарнї. Вецей раз дома приповедал же як на роботи правели шкембичи. Син ше му вельо раз кед пришла на шор бешеда о шкембичох знал опитац же чом и дома нє направи шкембичи, же би их покоштовал, а оцец му одвитовал же их дома нє може направиц прето же ше их прави зоз кравових жалудкох хтори дома нє маю.

По вельо рокох после спомнутей бешеди и вецей раз споминаня шкембичох, месарови предали буячка. Кед буячка нагнали до прикоча, оцец ше месарови опитал же цо робя зоз буячима жалудками. Месар зачудовано попатрел на оца и одвитовал же буячи жалудки руцаю. Оцец ше вец месарови опитал же чи им може дац буячи жалудок од праве купеного буяка. Потолковал му же би сцел указац синови як ше приготовюю шкембичи зоз буячого жалудка, же би их син по перши раз и коштовал. Месар обецал же пове роботнїкови най жалудок з буяка нє руца и же их жалудок будзе порихтани чекац.

Ютредзень роботнїк им дал цали розрезани и випущени буячи жалудок запаковани до меха. Кед го принєсли дому оцец жалудок висипал зоз меха и одрезал єден фалат. Очисцел го и почал рихтац за єдзенє. Син ше зоз любопитлївосцу припатрал и у єдней хвильки препознал випатрунок меса у оцових рукох, похопююци же зоз таким месом бул кедишик давно спреведнути.

Истей хвильки, кус поганьбени, оцови и мацери випривповедал як бул дакеди ище як школяр спреведнути праве зоз таким месом. Родичом випривповедал як му на пракси як любопитлївому гварели же то кенґурово месо и же як школяр верел цо му старши гуторели, та гоч го и спреведли, вон нє знал же бул спреведнути.

РОЗВАЛЯНИ ХОТАРСКИ САЛАШИ

Кед ше дзецом хтори тераз одрастаю спомнє салаш анї нє знаю цо то, прето же по нєшкайши час шицки хотарски салаши порозберани и поваляни. Старши людзе вельо паметаю зоз прешлосци, та и салаши хторих ище було по хотаре, гоч векшина з нїх уж були руїни.

Дакеди ше у валалє на яр одкупйовало шлїмаки зоз хижку, а найчастейше их зберали основношколски дзеци, хтори ше цешели кед за предани шлїмаки заробели кущичко пенєжки. Окрем дзецох, и старши у валалє хтори мали надосц шлєбодного часу и дзеки ставали додня рано и под час роси зберали шлїмаки по заградох, винїцох, баґренкох и других шипраґох, та так и на остаткох валалских салашох. Людзом хтори були дзеци кед ше у хотаре салаши розберало, салаши остали у памятки як розваляньска дзе назберали найвецей шлїмаки.

Хотар ше пресцера доокола валалу и валанчанє през роки каждей часци дали народне мено. Бешедуюци медзи собу и споминаюци часци хотара, людзе по споминаню поваляних салашох знали кадзи ше спомнута часц хотара находзи. Ширцом по хотаре дзе ше салаши находзели, людзе ше по презвиску ґазди орєнтовали хтора часц хотара спомнута у бешеди.

У Петровцох ше ище вше у бешеди споминаю назви салашох, гоч су розваляни и по нїх ше оре и шеє. Спомнїме Сопков салаш, Надьордьов салаш, вец Данков, Шпиров, Сивчов и велї други.

Салаши углавним були мали и находзели ше на малей поверхносци власней жеми. Бул у хотаре и даєден вельки салаш, як людзе знали повесц, спахийски лєбо пански салаш. Власнїки им були панове хтори коло салашу у фалаце мали на стотки ланци жеми. Розуми ше же телю жем нє могли сами обробиц, та на салашу мали и слугох и кочияшох хтори там зоз своїма фамелиями и жили. Ґазда бивал у главней хижи салаша, а за стаємних кочияшох и слугох були у истим дворе збудовани квартелї, дзе даєдни дакеди и цалого живота жили, бо власну хижу нє мали.

Єден челєднїк зберающи шлїмаки по хотаре, запаметал дзе ше у гонох находза и вельки орехи. Вєшенї, кед по валалє орехи опадовали, було логичне же и орехи по хотаре узрети. Нє мал мудрейшей роботи, та рушел пешо до хотару зоз зайдичками поопатрац чи орехи зродзели и узрели, же би под нїма дацо назберал.

Хто мал назберано вельо ореха на пойдзе, през жиму ше их на пияцу могло драго попредац. Окрем же под хотарски орехи мало хто наиходзел зберац плоди, вони знали мац и мегку лупу, та ше лєгко розбивали и чисцели. Мегки були прето же их по хотаре найчастейше садзели врани. Врана шедала на конар ореха и виберала орехи лєм зоз древа дзе орехи мали мегку лупу хтору могла лєгко зоз джубком розджубнуц и поєсц орехово ядро, лєбо свойо потомки у гнїздзе зоз ядром накармиц. Врани часто у джубку ношели орехи далєко од стебла по гнїздо ґу своїм чадом, а у медзичаше часто мали потребу и зґравчац. Кед зґравчали, джубок розтворели, орех им зоз джубка випаднул и дзе спаднул з часом

вироснул млади орещок зоз мегку лупу.

Так тот челєднїк ходзаци по хотаре, под каждим орехом позберал орещки. Досц далєко у гонох обачел ище два вельки орехово коруни. Подумал же гевти два орехи далєко од валалу, можебуц под нїма орещки нє позберани, та кед ґу нїм пойдзе можебуц швидко наполнї мещки. Крочай по крочай, сцигол под орехи хтори му випатрали далєко. Нє спреведнул ше. Жем под орехами була закрита зоз велькима здравима орехами зоз мегку лупу, та швидко понаполньовал празни мещки.

То нє було шицко цо там видзел. Збераюци орещки наишол и на два прави-правучки гроби зоз краснима стародавнима каменима памятнїками. Нє знал чи ше баржей нєсподзивал, чи престрашел кед наштред хотара видзел гроби зоз памятнїками на хторих ше крашнє могло пречитац мено и презвиско покойного и рок народзеня и упокоєня.

Поґрабал зайдички полни зоз орещками и попонаглял дому. Дома пробовал родичом виприповедац цо у хотаре видзел. Родичи були як и вельо раз пред тим уробени и у своїх бриґох, та го анї нє вислухали.

Нєодлуга пошол до баби и почал єй приповедац о тим цо у хотаре видзел. Баба го вислухала и потолковала му цо знала о гробох у хотаре, а знала надосц.

Перше цо му гварела, же там був дакеди вельки пански Пауновичов салаш. На тим вельким салашу окрем ґаздох, фамелиї Паунович, жили и велї його слугове, кочияше и наднїчаре зоз фамелиями у помоцних будинкох у дворе, бо свойо власни хижи нє мали. Окрем того же там людзе робели и жили од прелятого зною свойого за свойого ґазду, дзепоєдни ґаздове през жимски днї на салаш приводзели и писмених младих людзох же би учели читац, писац и раховац їх дзеци и дзеци своїх слугох. Понеже ше тото так окончовало роками, през тоти час людзе єдноставно и старели и там умерали. Салаши були порозруцани наширок по хотаре, та велї своїх покойних, кед пришол на тото шор, там и ховали, обок на меджу дзе гроб найменєй завадзал. На гроб ше положело дре-

вени криж и од глїни направело грунок и гроб там бул покля древени криж нє препаднул и на гроб и покойного ше нє забуло, та ше там жем ознова орала и обрабяла. Ридко було же, як у тим случаю, дахто направел камени памятнїк, а дзекеди попри нього посадзел и даяке древо, як цо ту були посадзени орехи.

Баба унукови гуторела же кед би нє було так, кед би ше на гроби дзе людзе поховани з часом нє забувало, кельо людзох од наставаня швета по нєшка жило и поумерало на жемовей кулї, цала жемова куля була би єден вельки теметов.

ОД ЄДНОГО ЄДЗЕНЯ СОМ СЦЕКОЛ, А НА ИСТЕ СОМ НАТРАФЕЛ

Кед ше нашо предки зоз горнїх крайох тадзи приселєли, намагали ше ту жиц подобнє як цо и там жили.

И ту жили у валалох, звичайно чистих руских, у вецейчислених и вецейґенерацийних фамелийох.

Окрем того же вєдно жили, по приповедкох наших старих, по Другу шветову войну дзепоєдни окрем того же вєдно жили, дзекеди и за столом зоз велькей миски шицки вєдно и єдли, бо мац танєри за каждого за нїх теди був правдиви луксуз.

Велька пременка настала по Другей шветовей войни, кед ше по варошох почали будовац и шириц вельки фабрики, такволани комбинати. У тот час и велї Руснаци подоставали роботу у тих комбинатох, та ше и велї з нїх до варошу тирвацо попресельовали.

Од нїх кажди зоз валалом, а дзепоєдни и по нєшка нє потаргали вязи, лєм же ше им у варошу пременєли способ и култура живота.

Док нашо людзе шицки жили на валалє мушели слухац главу фамелиї и тому ше прилагодзовац же би як заєднїца обстали.

У варошу кажда єдинка доставала свой заробени пенєж зоз хторим розполагала и вше менєй завишела од дакого другого, та так и о костираню. Там у варошу ше за готови пенєж заробени у комбинату куповало пожадане, тото би ше вец поєдло, а за друге би ше гуторело же ше нє люби єсц и готове.

Раз так на школски розпуст родичи зоз варошу пущели сина до валалу, до досц старшей шестринїци. Вона уж мала свойо дзеци, кущик младших од нього, та ше вон там з нїма по цали дзень бавел, а вона вец могла шлєбоднєйше окончовац свою каждодньову роботу.

Вон там пребувал и дзень и ноц, там у нїх и єдол и спал. Раз кед видзел цо ше за полудзенок рихта, гварел шестринїци, хтору волал нино, же пойдзе дакус до другей нини у валалє, наздаваюци ше иншакому, лєпшому полудзенку.

Кед там сцигол и кед пришол час полудзенку, поволали го ґу столу. Кед шеднул за стол и видзел цо на столє було порихтане, здихнул и гласно прекоментаровал „Од єдного сом сцекол цо нє любим єсц, а ту сом натрафел на таке исте.“

Тото таке дзекеди чули и видзели и дзепоєдни валалски дзеци, дзе людзе вше частейше жили самостойно у парох зоз своїма дзецми у власней хижи и обовязно уж кажде єдло зоз свойого танєра. Кед госци поодходзели дому до варошу, дзепоєдни валалски родичи мали бриґи зоз своїма дзецми бо ше почали справовац и розмазовац як и гевти зоз варошу.

Ту вец родичи пришли на спокусу, та хтори ше вец ту як знашли. Дзепоєдни мацери, сануюци свойо дзеци, опитали би ше им же „Дзецко мойо цо биш єдло, же би ци мама порихтала“, поготов там дзе на тото оцец бул цихо, вец би то так рушело наспак, на розмазовацо як у варошу.

Було и таки фамелиї дзе на тото оцец дзвигнул свой глас и гварел своєй жени и дзецку же тото так нє може и же най є тото цо на столє лєбо най чека наиходзаце єдзенє.

Там дзе родичи були упарти у вихову дзецох на свой традицийни способ, тоти дзеци, так и їх потомки ище и нєшка почи-

тую дакедишнї чесни и людски вредносци, и людзе на нїх зоз почитованьом патра.

За гевтих цо вибрали дакус иншаку драгу у вихову, справованю, култури, облєканю и иншим, вельо раз ше знало споза хрибта чуц з боку їх сушедох, родзини и познатих рижни нєкрасни коментари.

КАРБУРАТОР

У авту ше пред ресторан привезли муж и жена. Ресторан ше находзел на барз красним месце у природи и коло нього цекла мирна рика.

Вишли зоз авта и вошли до ресторану. Бешедлїви чловек нєпреривно цошка бешедовал. Жена нє слухаюци його бешеду и патраци през облак наглас коментаровала же як ше карбуратор на їх авту полнї зоз воду.

Чловек спочатку нє обрацал повагу на єй бешеду, а вона то нєпреривно повторйовала. Йому єй бешеда допил,а та єй упрекосно одповедол: „Яки то тераз ту глупосци приповедаш! Ти анї нє знаш цо карбуратор, як випатра и дзе ше находзи на авту! Як вец можеш знац же ше хвильково ище и полнї зоз воду?

На тото му вона увредзено одповедла: „Я гоч и нє знам же цо то карбуратор, як вон випатра и дзе є на авту змесцени, алє бизовно знам же є полни з воду. Випатра же ши авто кед зме зоз нього вишли добре нє загамовал, бо ше сам помали з брещка спущел до рики дзе ше зачирює до води. Так же кед нам ше цали авто до рики зачири, вец и карбуратор у нїм сиґурно нє останє сухи.“

ШОРИ КУКУРИЦИ

Двоме валалчанє були сушедове у хотаре, єден коло другого мали жем. Єден бул старши, а други досц младши од першого. Як

сушедове нїґда нє мали нїяки бриґи и проблеми медзи собу, були вше добри сушедове.

Преходзели роки и раз тот старши вєшенї поорал свою жем, а по яр так ше случело же го Бог поволал же би орал нєбесни пространства, та пошол там. Тоту жем хтора ту остала нашлїдзел його син, та вяри шеднул на трактор и пошол поробиц жем хтору нашлїдзел. Обробел вон там жем, потанюрал, подерлял и посадзел кукурицу.

Тото исте поробел и його сушед хтори бул досц младши од його оца, а тельо старши од нього.

Прешло часу тельо кельо було потребне же би кукурица зишла, та тот цо тераз бул старши сушед пошол обисц польо же би видзел цо и як там посходзело. Кукурица крашнє посходзела и єдному и другому. Розлика була лєм у тим же йому шори кукурици були прости од єдного дильова по други, а младшому сушедови шори кукурици були таки як цо людзе гваря „таки як кед ше вол драгом пошика“.

Таки сушедово повикривяни шори на полю цали час ше крутцели по глави старшому сушедови, та кед у валалє стретнул младого сушеда гварел му так: „Е, мой сушед, бул ти на полю поопатрац як посходзела кукурица?“

Сушед му як зоз пушки одвитовал же нє и ґу тому гварел: „Мойо було же бим ю посадзел, а на нєй же би росла и по єшень зродзела“.

На тото сушед тому младому гуторел же най идзе на польо же би видзел же яки його прости шори, а яки того повикривяни и як то там нїнач нє здабе.

Млади сушед ше и на тото нє дал звесц зоз його власней задумки и власней драги, та сушедови и на тото знал цо одповесц: „Е, сушед мой, увидзиш ти на єшень хто будзе мац вецей кукурици, а то сиґурно же будзем я, прето же твойо прости шори од дильова по дильов, а у хотару сиґурно же буду кратши од моїх повикривяних, та розуми ше же у таких повикривяних и длугших шорох будзе вецей кукурици як у твоїх простих и кратших.“

III

И ПЕТРОВЦИ ДАКЕДИ МАЛИ ВОДИЦУ

Од малючка як научел ходзиц и дорастал, млади челєднїк вше ше волєл дружиц зоз старшима як зоз парняками, прето же од старших вецей чул и научел як од парнякох.

Окреме му було цикаво бешедовац зоз бабами, прето же любел слухац приповедки як ше дакеди у валалє жило и як дакеди було, а баби вельо зоз прешлосци запаметали.

На треци дзень Русадльох, кед дзепоєдни парохиянє з валалу зоз парохом пошли на паломнїцтво до Марийового святилїща до Водици, вожел ше по валалє на бициґли.

Врацаюци ше дому преходзел коло баби Маґочовей, хтора як и по други раз шедзела на лавочки на драже. Станул зоз бициґлу и озвал ше ґу нєй и шеднул на лавочку. Була смутна и нєзацикавена за бешеду. Було єй жаль же є хора и стара, та прето нє могла пойсц до Водици, дзе вше барз любела одходзиц.

На бабову бешеду челєднїк ше єй любопитлїво опитал, же цо то водица, як настава, и прецо єй у Петровцох нєт.

Баба ше на поставени питаня дакус розрушала и почала му

толковац же то нєвелька церквочка лєбо каплїчка хтору людзе будую на своїм маєтку лєбо обок нього, як подзековане Господу Богу за достати дари од нього. Приповедала му же ше таке звичайно збува после упечаткового сна, дзе ше вошнє одредзеней особи зяви свята особа и у сну нагаднє же ше на одредзеним месце находзи жридло живей води и же попри жридла треба вибудовац каплїчку.

Було и таке же ше дакому, а то звичайно дзецом, зявел ангел Господнї лєбо Мац Божа и побешедовала зоз нїма, и на памятку на чудесне зявенє жителє валалу збудовали каплїчку. У каплїчки ше вше истого дня у року на имени дзень святого, служело Службу Божу на хтору прихолзело вельо людзох, хторих ше наволую паломнїки. Попри тей бешеди баба доложела же и у нашим окруженю єст водици. Єдна од нїх у Вуковаре, у Адици на Добрей води.

Слухаюци бабу, здогаднул ше и сам же раз случайно наишол на Службу Божу хтору паноцове зоз паломнїками служели у каплїчки Святого Прокопия при Дубрави. Дакус ше по богослуженю розпитал, та дознал же каплїчку на Дубрави збудовал богач Паунович, хтори дакеди мал вельо жеми медзи Вуковаром и Петровцами и у хторого велї Руснаци зарабяли свой хлєб.

Баба ше здогадла и Маринскей водици хтора ше находзи нєдалєко од Петровцох, у маринским хотаре, коло потоку Бродянка. У Маринскей водици ше богослуженя отримую штредком авґуста каждого року. Праве у тей каплїчки на Маринскей водици велї на чудотворни способ повиздравйовали и позохабяли караґулї и поодходзели дому без нїх. Караґулї у каплїчки ище вше исную як свидоцтво чудотворного виздравеня.

Думал же бешеда зоз бабу закончена та сцел рушиц дому, алє баба предлужела зоз бешеду.

Бешедовала же давно кед була дзецко, слухала од своїх старших же и Петровци мали свою водицу. Спрам приповедки, водицова каплїчка була збудована у Долу. Вона ю нє памета, алє памета же кед як дзецко тамаль преходзела, же на месце дзе була водица видзела громаду жовтей глїни, хтора була як остаток од набиваней

каплїчки. Громада глїни зоз часом щезла, понеже з глїни худобни людзе з Долу правели вальки. При каплїчки нє було жридло лєбо студзенка як при других каплїчкох. Жридло ше находзело прейґ драги хтора преходзи през Дол ґу хотару. Над жридлом дакеди була велька верба хтора у медзичаше зрубана. Гоч ридко хто зна за жридло, и нєшка вода зоз нього шлїжи и вше будзе шлїжиц.

Одпитал ше од баби и попонаглял дому. Дома обул чижми и пошол превериц факти бабовей приповедки хтора му була барз цикава. Доказ о иснованю каплїчки нє нашол, алє жридло живей води хтора шлїжи спод жеми, зароснуте зоз коровчом, нашол.

Зоз жридла чече вода, а дас сто метери од самого жридла улїва ше до потоку хтори чече през Дол, а поток ше вец улїва до Бродянки, Бродянка ше улїва до Вуки, Вука до Дунаю...

ЯК ЗДРАВКАЦ ПАНОЦОВИ

Лєжаци у шпитальскей хижи, коло Здравка преходзели рижни особи и кажде му з нїх даяк поздравкал. Кажде на свой способ, зависно од звикнуца. Тото здравканє го здогадло на подїю зоз його младосци, кед ше учел и звиковал як жиц и прежиц єдини живот на жеми.

З єдней нагоди кед бул леґнь, стал пред церкву скорей Служби Божей и бул нєдалєко од паноца. Преходзаци коло нїх на бициґлох, троме хлапчикове им поздравкали „Здраво“. Шицки хтори стали пред церкву так хлапчиком и од’здравкали.
Вон ослухнул як им од’здравка паноцец на таке их здравканє. Паноцец им тиж од’здравкал „Здраво“. Можебуц би тото и нє було нїч чудне кед би Здравко ище як хлапец и сам нє дожил цошка подобне, а заш лєм цалком иншаке.

Хто зна по хтори раз през школски одпочивок бул у Миклошевцох у єдиного дїда хторого паметал. Вон му анї нє бул дїдо, алє мацеров дїдо, а його прадїдо. Бул то час после Трокральох лєбо Богоявлєня, кед паноцец ходзи по валалє швециц обисца.

Пришло на шор швеценє и дїдового обисца. По одшпиваним тропаре „Во Йорданї“, вимодлєней молитви и пошвецаня обисца зоз пошвецену воду, паноцец ше кущичко затримал у приємней бешеди зоз дїдом. Дїдо за свой час бул школована и вше за бешеду порихтана особа. Здравко и баба шедзели з нїма, алє ше им нє мишали до бешеди.

После розгварки зоз дїдом, паноцец ше з даскелїма словами озвал и ґу Здравкови, понеже ше дїдо похвалєл же якого ма уж велького праунука. Паноцец му подаровал красни обращик, а вон бул пре дарунок прещешлїви.

Кед истого року пошол до дїда на лєтни одпочивок, днями ше бавел на драже зоз сушеднима хлапцами. Внєдзелю по полудзенку пожадал пойсц и до нини Ганї, власней шестри покойного дїда, оцового оца, хтора жила на другим концу валала. Дїдо го пущел под условийом же би ше врацел скорей цмоти.

Як така челядз од єденац, дванац роки, ишол по дражки подринґуюци и копаюци до каменча хтори ше нашли пред нїм. Кед бул пред парохию, обачел же у церковней капурки хтошка стої. Нєодлуга препознал же то його стари знанєц, паноцец хтори вжиме

пошвецал хижу у дїда. Кед ше приблїжел, гласно поздравкал „Добри дзень, паноцец“. На його здравканє пеноцец одврацел „Szervusz“. Прешол коло паноца нєсподзивани зоз паноцовим од’здравканьом, та у хвильки подумал „Ша стари є, та ше забунєл“. Зоз такима думками сцигол до нини Ганї.

Нина Ганя була приємна жена и крашнє го дочекала. Понукла го зоз грубима рейтешами зоз маком, орехами и хлєбичком. На остатку начала и вельку ґереґу яки у Миклошевцох през лєто було у каждей загради. Потим опатрали стари пожовкнути фотоґрафиї, ґу тому му указала и штучни оквицени кризбан у преднєй хижи. Кризбан у нєй був вше оквицени, та и през лєто, та таки оквицени чекал идуци Крачун. Предвечаром, скорей змерканя ше одпитал од нини Ганї и рушел назад до дїда.

З руками у кишенкох, крочай по крочай, ознова сцигол пред церкву. Преходзаци коло церкви ознова наишол на паноца у капурки, як кед би ше отамадз анї нє рушел док вон був у нини Ганї. Ознова му гласно поздравкал: „Добри вечар, паноцец“. Паноцец йому ознова од’’здравкал „Szervusz“. Подумал у себе же зоз паноцом насправди цошка нє у шоре, та лєдво чекал сцигнуц до дїда и шицко му виприповедац.

Кед сцигол до дїда, такой зоз дзверох започал: „Задумайце дїду, нєшка сом стретнул паноца и два раз сом му ясно и гласно по руски поздравкал, а вон мнє на обидва заводи од’здравкал по Мадярски. Цо то за робота зоз паноцом?“

„Як ши му то точно поздравкал“, опитал ше му дїдо, нїч нє похопююци.

„Ша так дїду, пополадню сом паноцови поздравкал „Добри дзень, паноцец“, а паноцец мнє „Szervusz“. Тераз вечар сом гласно и ясно поздравкал „Добри вечар, паноцец“, а паноцец ознова од’здравкал по мадярски „Szervusz“.“

Дїдо ше на унуково слова гласно нашмеял и одвитовал: „Видзиш, ти мал паноцови поздравкац нє лєм по руски, алє и по християнски „Слава Исусу Христу“, та би ци и паноцец одвитовал по нашим „Навики слава“. И нє лєм паноцови, алє и шицким нашим

людзом кед поздравкаш „Слава Исусу Христу“ нїґда нє погришиш.“ Порадзел дїдо Здравка, хтори то за цали живот запаметал.

КРЕСНА МАЦ

Дакеди худоба була велька и требало вельо и чежко робиц же би ше прекармело фамелию, та заш лєм велї фамелиї мали по вельо дзеци. Младей пари ше народзело перше дзецко, дзивче. Нєодлуга друге, та знова дзивче. Родичи мали вельке жаданє же би и сина у обисцу мали, та мали и треце дзецко, та знова дзивче. Сцигли у живоце и по осме дзецко. Кед ше осме, та знова дзивче народзело, требало по осми раз поволац куму, лєбо як ше теди гварело кресну мацер, на догварку же би ше и тото дзецко покресцело.

У тедишнї часи гоч родичи мали вельо дзеци, часто ше случовало же од тих велїх дзецох лєм даскельо од нїх дожило перши рок. Пре вельку смертельносц малих дзецох родичи понагляли зоз кресценьом дзецка, кед би дзецко, нє дай Боже, пошвидко по народзеню умарло, же би нє умарло нєпокресцене. Так ше збуло и у тей фамелиї.

По народзеню дзецка, хторе ше дома народзело, послана вистка до куми – кресней мацери, же ше нове дзецко у фамелиї народзело. Кресна мац знала же кресценє новонародзеного дзецка треба цо скорей покончиц, гнєтка и о дзень, два. Так було и з тей нагоди.

Кресна мац мала обовязку догвариц ше зоз паноцом и родичами, и одношела дзецко до церкви покресциц. Кед дзецко було покресцене, дзецку требало уписац и кресне мено. Спомнуте робела кресна мац у догварки зоз родичами, а дзекеди и самоиниципативно, ша прецо же є кресна мац. Кед паноцец свойо коло кресценя покончел, остало до матрикулох уписац дзецково мено и шицко було готове. Кед ше паноцец з тей нагоди кресней мацери опитал же яке мено до кнїжки най упише, вона як зоз пушки од-

витовал же єй мено будзе Олґа, та тото мено и уписане.

По приходу дому зоз кресценя дзецко придане мацери, а куму и ище дакого хто ше у обисцу нашол чекал смачни, окреме за кресцини уварени полудзенок. По полудзенку ше порозходзели кажде до свойого дому. Кед ше шицки порозходзели, и родичи сами зоз своїма дзецми остали, теди ше єдно од родичох здогадло же кума пошла дому, а же ше єй нє питали яке дзецку дала мено. Друге од родичох доложело же най лєм дзецко будзе живе и здраве, а за мено ше опитаю куми док ше перши раз зоз ню стретню.

Так и було, та кума, зачудована же им нє гварела мено покресценого дзецка, так гварела: „Ша ви Олґу дома маце“. Родичи ше на єй слова зачудовано попатрели медзи собу, та куми гварели же дома уж маю єдно дзивче хторе ше вола Олґа. Кума ше нє дала збунїц, та одвитовала на пригварку: „Ша, цоже вецка, мнє ше таке мено попачело, та“.

Родичи сцисли зоз плєцами, а кед пришли дому свою другу Олґу зоз меном Феброна наволали. Мала Олґа як Феброна росла.

Теди дзивчата звичайно нє ходзели до школи, а и особни карти жени ридко хтора мала. Кед би даєдна особну карточку и мала, ридко би ю дакому и указовала, та нїхто и нє знал же их Феброни праве мено Олґа.

Прежила вона цали свой живот як Феброна и аж на концу тужемского живота, кед єй на теметове, на древеним крижу и каменим памятнїку под слику було виписане мено Олґа, преходзаци коло гроба людзе коментаровали же ю вони, док була жива лєм под меном Феброна познали, а о мену Олґа аж тераз после хованя дознали.

ПОСНЕ ШВЕТО

У дакедишнїх часох дзеци ше иншак воспитовало як нєшка и учело ше их шора през цали рок, за кажди дзень у року як ше справовац и тото справованє требало през цали рок порядне от-

римовац.

Кед би ше им у живоце дацо вимкло и пошло по тим як тому нє був шор, вецка би тото за дакого од тедишнїх старих була траґедия. Так наприклад, у гевти часи єдно пейцрочне дзивче на Кирбай пополадню, по полудзенку вишло нє питаюци ше своїм родичом и пошло ше до сушеда ґу сушедовим дзецом бавиц. Родичи мали надосц госцох та длуго нє обачели же дзивчеца нєт дома. Кед то обачели, такой почали глєдац свойо дзивче. Глєдали го прето же ше злєкли же чи го нє украдли Циґанє, хторих през кирбайски днї у валалє вше було надосц, а таке ше у тедишнї часи часто случовало. Циґанє украднути дзеци гонєли же би по варошу жобрали и крадли за нїх.

Кед го нашли у сушеда як ше там спокойно бави зоз дзецми, одлєгчало им при шерцу же им дзивче нє украднуте. Строгому оцови тото нє було досц. Гоч дзивче було ище вше мале, було му нєправо же го вон нє воспитал так як цо його воспитали його родичи. А то було тото же дзивчецу пред Кирбайом нє наказал як цо йому наказали його родичи кед був цалком мали, же ше на таки вельки швета як цо Кирбай, Крачун и Велька ноц, кед у сушедових и шицких других хижох по валалє єст вельо госцоц зоз других местох, нє одходзи бавиц по сушестве, алє же ше дома дочекує госцох и кед ше уж дзеци сцу бавиц, най ше вец бавя дома у дворе зоз госцинскима дзецми. У тих шветочних дньох шицки людзе у валалє маю своїх госцох и думки як их вигосциц, и цо зоз госцами поприповедац. За дзецински бависка єст ище вельо днї през цали рок.

Родичи тото исте дзивче раз на посне швето зохабели у прабаби и прадїда же би го причували, а вони двойо сами пошли кадзишик на госцину. Кед ше уж приблїжовало поладнє и баба зоз пеца виняла вельку рибу на тепши и положела ю на стол, дзивче баби гварело же єй мац на швето окрем шветочного полудзенку вше упече и даяки колачи. Гоч баба знала же колачи нє зготовела прето же швето було посне, а колачи ше на посни швета нє

пекло бо були масни и зоз вайцами. Же би баба дзивче, єй праунучку зоз тим нє обтерховйовала и толковала же чом нє упекла того дня колача, часом розтрепала даскельо вайца до муки и млєка и направела даскельо палачинки. Дзивче було щешлїве же будзе после печеней риби и колача. Дзивче було прещешлїве, алє прето баба зобрала од дїда. И то прето же ше зоз ню вивадзел же чи вона тельо остарела и здурела кед на посне швето напражела палачинки на швиньскей масци, место же би праунучку поучела же тото нєшкайше швето посне, а же ше на посне швето у їх обисцу нє пече колача.

КАРА ЗА ГРЕКОКАТОЛЇКА

Початком прешлого вика побрала ше єдна грекокатоліцка пара. Нєодлуга на швет принєсли малого сина, о рок и другого. Жили вони скромно и у духу своєй грекокатоліцкей вири, та так у складзе зоз виру ховали и своїх синох. О даскелї роки народзел ше им и треци син. Родичи, гоч скромного статуса, намагали ше шицких синох вивесц на праву животну драгу.

Кед синове були полнолїтни, єден по єден наруковали и одходзели до войска. Перши двоме, вельо старши, войско служели пред Другу шветову войну у Кральовини Югославиї. Треци и наймладши син за одход до войска дороснул и пошол такой после Другей шветовей войни.

Теди уж настала Титова Югославия и у складзе з тим и Югославянска народна армия. У складзе зоз предписанями новей держави и братства и єдинства народох и народносцох Югославиї, катонаци на вислуженє тей обовязки посилани далєко од дому, а звичайно то було до даєдней другей од шейсцох социялистичних републикох, кельо их теди було у заєднїцким составе.

Так и тот спомнути грекокатолїк дороснути за одслуженє войска сцигол далєко до касарнї. У касарнї були розподзелєли по спальньох, а бул положени же би спал коло муслимана, цо йому

було цаклом нормалне пре, од Тита и партиї, видумане братство и єдинство наших народох и народносцох.

Шицки вояци, як цо вєдно спали, так вєдно ишли и на цильованє и на вежбанє, и вшадзи дзе лєм требало.

Кед конєчно пошли ґу котлу на полудзенок, грекокатоліїк пошол єсц зоз шицкима другима, а за муслимана полудзенок бул уварени окреме. Тото грекокатоліїкови завадзало же муслиман є окремне єдзенє и же нє сце єсц вєдно зоз нїма швиньского меса.

Нєодлуга пришло грекокатоліїкови на розум, же вон за тоти два роки у войску муслимана преобраци.

Перше му почал хвалїц швиньски деликатеси, потим му их кладол и до танєра, а на остатку, кед му нє пошло од рук научиц го єсц швинєцину, дочекал же би муслиман заспал и такому заспаному цискал швинєцину до устох.

Грекокатоліїк бул нательо упарти зоз тим же научи муслимана єсц швинєцину, же го на концу предпоставени мушели преложиц до другей спальнї же би мали мира єден од другого.

Прешли тоти два роки, шицки ше катонаци живи поврацали до сврїх домох, та так и наш грекокатоліїк хтори ше нєодлуга и оженєл. Оженєл ше тиж так зоз грекокатоліїкиню. У малженстве мал перше три дзивчата, єдну за другу, а потим и сина.
Вишколовал вон свойо дзеци спрам своїх можлївосцох, а почали вони потим и робиц у фабрики.

Першу дзивку спитали и одала ше. Кед другу дзивку єдней соботи пришол питац питач и кед ше представел як Алия, истей хвильки го дзивков оцец вигнал зоз двора. Дзивка остала дома до пондзелку рана, док нє требало пойсц до фабрики на роботу. Кед пондзелок рано пошла на роботу, пополадню ше нє врацела дому. Нє врацела ше дому анї о тидзень, анї и о мешац, анї о рок.

Кед прешло вецей як рок, на оцовей ше капурки конєчно зявела оцова дзивка. Нє була сама. На рукох ношела малого Муфида, свойого першого сина. Приведла го лєм же би дїдо видзел унука. Нє затримала ше длуго у оца и пошла.

После того вше кед би мала идуцого сина, принєсла би го

свойому оцови же би го вон видзел. Дїдо видзел каждого унука од тей дзивки, алє зоз своїма унуками нє шедал вєдно єсц за стол прето же нє єдли исте єдзенє.

На остатку, грекокатоліk тоту свою судьбу похопйовал як свойофайтову кару од Бога и покуту за зробени грих у своєй младосци.

Прето у старосци и пред шмерц каждому приповедал свою прежиту судьбу и наказовал же свойо треба любиц, а цудзе почитовац же би ше нє прешло и согришело так як цо вон согришел. Прето єст и присловка же чловеково грихи зоз младосци Бог покаре аж на стари косци.

ХТО ЯК КОЛЯДОВАЛ

Од кеди иснує паметанє и писани шлїди, нашо людзе були чесни и вирни християнє и того ше у каждей фамелиї каждодньово притримовало. Хторе швето през церковни рок доходзело, кажде швето приношело и свойофайтово ритуали хторих ше нашо предки твардо притримовали и намагали ше их попреношиц и на свойо чада, своїх нашлїднїкох.

Малючки дзеци зоз своїма родичами порядньє ходзели до церкви, часто були ище барз мали, та гнєтка анї нє знали чом ше у церкви случує тото лєбо гевто. Швета дзеци през рок паметали по свойофайтових ритуалох хтори були вязани за велї швета през рок. Хтори дзеци зоз родичами порядньє ходзели до церкви знали же ше на Дзуря при обходу коло церкви пошвеца покошене желєне жито, або же ше на Вельку ноц пошвеца паска.

През цали рок, а окреме даскельо днї пред шветом Святого Миколая, дзецом ше давало до знаня же муша буц добри и слухац родичох и старших у обисцу же би им Святи Миколай дацо принєсол. Вечар пред Миколайом дзеци знали же муша очухац ципелки же би им Святи Миколай до ципелкох принєсол дарунки.

Як дзеци дорастали и о шветох, и вше вецей нового похопйовали, знали же у каждим валалє раз до рока, одредзеного дня у року родзени дзень церкви, на хтори дзень церква пред вельо роками пошвецена и дата под патронат святому хторого ше швето того дня швеци, а вола ше Кирбай. На тот дзень ше у валалє назбера вельо госцох зоз других местох преславиц швето, а коло церкви єст ринґишпили и полно шатри.

Малим дзецом хтори лєм почали чувствовац живот и цо живот зоз собу приноши, найцикавше було вечар пред Крачуном, на Вилїю. Каждодньово пред Вилїю дзеци учели шпивац коляди зоз хторима одходзели колядовац по валалє. Хтори дзеци пре даяку причину нє научели колядовац, кед видзели як сушедни дзеци под облаком колядую, гнєтка знали того вечара и оплакац прето же пре нєнаучену коляду остали дома. Же би векшина дороснутих дзецох за колядованє нє остали дома найчастейше ше остарали баби, хтори мали надосц геверного часу.

Сушедового хлапчика колядовац учели мац и баба, и вон ше барз радовал же по перши раз будзе ходзиц по колядованю. По колядованю дзеци найчастейше водзели оцец лєбо старши брат, лєбо шестра. Сушедов хлапец научел коляди и бул порихтани за колядованє.

Оцец му дочасово робел у Нємецкей, а старшого брата лєбо шестру нє мал. Мац мушела дома чекац коляднікох и чувац малу шестричку. Було догварене же го по шпиваню будзе водзиц дакус старша родзина Ганча, хтора бивала дакус далєй од нїх.

Кед го мац випровадзела на драгу, а вон чул и видзел же як други дзеци по сушедстве под облаками колядую, под сушедовим облаком зашпивал и вон. Колядовал у єдного сушеда, другого, трецого и так шором по хижу дзе бивала Ганча зоз мацеру и бабу.

Кед сцигол до нїх, бул щешлїви же му єдна торбичка уж була полна. Зоз полну торбичку ше цешел и хвалєл пред Ганчу и єй мацеру и бабу кельо у торбички шицкого мал. Ганчова мац му дала предклад же би пречитали кельо ма зашпивано динарчки. Кед пречитали було штерацец динарчки, або штири стари тисячи. Були шицки дробни, та му Ганчова мац предложела же би єй дал дробни динарчки, же би их дзелєла шпивачом, а вона му их зачера у цалим векшим пенєжу док ше по шпиваню з Ганчу враца дому. Пристал на понукнуте.

Ганча и вон рушели колядовац по валалє. Бул прещешлїви же го мал хто водзиц колядовац. Кед Ганча видзела же зоз дзеку колядує, ище го и нагваряла, чи будзе колядовац ту, а нолє и ту, и шором док ище вше малючки, а велькей дзеки нє вистал, гоч му Ганча и ношела полни торбички. Кед ше врацели назад, єй мац му за дробни штерацец динари дала пейдзешат у фалаце, прето же му дзешец динари дала же и у нїх колядовал. Кед сцигол дому, перше му було на розуме же би пречитал заколядовани пенєжи. Кед их попречитовал, у торбички було двасто пейдзешат динари, лєбо як ше теди по старим гуторело, двацец пейц тисячи. Прещешлїви же вельо того зашпивал, ютре, на перши дзень Крачуна пошол до школи.

Крачун теди нє був державне швето, та ше на Крачун настава нормално отримовала, а за державу то бул роботни дзень. Кед ше дзеци у школи посходзели, каждому перше на розуме було же би ше похвалєл кельо пенєжи заколядовал. Як ше шицки хвалєли, та и ше и вон похвалєл же заколядовал двацец пейц стари тисячи.

На слова о заколядованих пенєжох, споза хрибта ше му озвал його парняк, хтори и теди нє знал, а и нєшка нє зна як церква випатра знука, и зоз подшмихом му гварел як хлапчик прешлого вечара обишол цали валал и змарзнул ше, а заколядовал лєм двасто пейдзешат динари, а вон ше цали вечар дома грал при цепому пецу, а од мацери, оца, баби и дїда подоставал по сто динари, та тераз ма вецей у каси як цо ма вон, а ґу тому анї ше нє мушел днями пред Вилїю трапиц учиц колядовац.

РУСНАК У ДУШИ

Дакеди було иншак як цо тераз. Руснаци ше брали лєм медзи собу. Кед ше дзекеди и случело иншак, о тим ше длуго и вшадзи приповедало. Поготов кед дзивка була зоз валалу, а леґинь зоз варошу. Ище баржей кед нє був Руснак, а ище и заняти на високим месце.

Случело ше раз же ше побрали двойо млади, жили почитуюци язик, а поготов виру и єдного и другого, а так учели и свойо двойо дзеци. Швидко им прешли вєдно прежити роки, та ше син по законченей основней школи надумал далєй школовац. Родичи му то оможлївели и уписали го за цо ше сцел учиц, гоч пре дальше школованє мушел досц млади пойсц до интернату.

Гоч тому младому челєднїкови оцец нє був Руснак, вон язик своєй мацери и свойого дїда знал бешедовац исто так як и язик свойого оца. Зоз тим же є и Руснак барз ше пишел и дїда свойого барз любел.

Приходзел вон часто дому, до мацери и оца. Так, кед раз пришол дому, родичи обачели же вон застарани и же ше нєзвичайно справує, та ше му при полудзенку опитали же чи ма даяки проблеми у школи бо випатра якошик нєзвичайно и таїнствено, и як кед би був пре дацо застарани.

Вон спочатку гварел же му нїч, лєм же є вистати од драги и путованя. А поправдзе, нє знал як започац бешеду зоз родичами о своєй бриґи. Нєодлуга мушел припознац же ма бриґу, бо им у школи гуторене же би ше вони, як школовани интелектуалци и крем социялистичного дружтва, мали учленїц до Союзу комунистох Югославиї.

Вон себе таке нє могол анї задумац, кельо пре свойо християнске прешвеченє, ище баржей прето же би нє уквилєл своїх родичох, а окреме свойого дїда, хторого барз любел, а и дїдо його тиж так.

Оцец и мац бали ше го порадзиц, як пре нього самого, так и

пре його оца же би пре тото нє страцел роботу. Прето ше мац и оцец швидко медзи собу порадзели же би було найлєпше сина послац до валалу, до дїда на пораду. Були прешвечени же го дїдо найлєпше порадзи и же шицки буду задовольни зоз тоту пораду. Так нєодлуга послали свойого сина до дїда на пораду. Син тото дзечнє прилапел, такой вжал бициґлу, та гайд до валалу.

Кед пошол до дїда и гварел у якей є бриґи, дїдо роздумал и порадзел унука. Гварел му же християнска вира настала барз давно, скорей два тисячи роки и тирва од теди кед Исус Христос ходзел по жеми, а тирава и нєшка. През тоти два тисячи роки наставали велї царства и шицки попрепадали, а християнска вира през шицки тоти роки тирвала и витирвала, та так будзе и тирвац по конєц швета.

Унук дїда вислухал и похопел цо му дїдо зоз тим сцел повесц, шеднул на бициґлу, та гайд назад дому. Дома родичом гварел же ше вон до партиї нє учленї, та гоч го и виженю зоз школи.

Од теди прешло вецей дзешатки роки, велї дзеци нових ґенерацийох за тедишню вельку и моцну партию анї нє чули, а до

церкви ше модлїц и славиц Бога, як теди, та и тераз велї ходза, а и убудуце буду ходзиц аж по сам конєц швета.

У ЦЕРКВИ, А НЄ НАШЕЙ

Кед ше як млади челєднїк уписал у варошу до фаховей школи нє познал варош, та ше по нїм спочатку рушал лєм од автобусней станїци по школу и назад. О даскельо днї требало му пойсц на праксу дзе го одредзели, та дзень пред тим роздумал же скорей як пойдзе дому же муши найсц тото место, же би ютре рано нє блукал и нє глєдал.

Кед ишол на автобус, пред собу нашол руцену варошску автобусну карту на хторей була нарисована мапа варошу. Дзвигнул ю зоз жеми и патраци на ню, знаходзел ше перших дньох кадзи му по варошу требало ходзиц.

Баба му през бешеду спомла же у варошу иснує и грекокатолїцка церква, та ю пожадал найсц и нащивиц.

На пракси ше през бешеду розпитовал о церкви и кадзи ше у варошу находзи. Нїхто му нє знал повесц, понеже велї нїґда анї нє чули за Руснацох, а нє же би знали дацо о грекокатолїцкей церкви и дзе ше у варошу находзи.

Єдна касирка, хтора ше як мала бавела зоз дзивчцом хторе було Рускиня, знала дзе ше церква находзи, та му гварела мено улїчки. Щешлївши же дознал мено улїчки, а улїчка була у самим центру вароша, рушел по улїчки глєдац церкву. Глєданє му було олєгчане прето же му гварене же ше церква находзи з правого боку, на парним числу.

Рушел шором по правим боку улїчки и на капури з числом хижи шейдзешат шейсц наишол на урамену плочу дзе писало „Церква Божа“ и час кеди ше у нєй отримую богослуженя. Капура була замкнута. Запаметал кеди церква будзе одомкнута, та ше врацел одкаль и пришол.

Кед бул геверни медзи наставу и автобусом за одход дому, а

у тим чаше була и церква одомкнута, пошол з намиру же войдзе до нєй. Кед сцигол и вошол през капурку до двора, та и до церкви, обачел же заблукал. Церква знука анї блїзко нє здабала на церкви яки нашо випатрали. Знука доокола були голи мури без иконох, нє було анї столки, анї олтара на яки у церквох звикол, анї паноцец нє бул облєчени до ризох, алє у красним паньским облєчиве. Анї богослуженє нє було на яке звикол у наших церквох, дзе ше у церквох шпива. Дзе у наших церквох олтар, у тей церкви єдноставно нїчого нє було, лєм „паноцец“ хтори шедзел у кочику, було очиглядне же є калїка. Присутним читал часци зоз Библиї и псалмох, а вец пречитане присутним толковал, и шицко по горватски.

Було очиглядне же заблукал до погришней церкви. По законченю богослуженя шицки повиходзели вонка и порозходзели ше хто кадзи. Шицко видзене и прежите дома виприповедал баби. Баба му потолковала же наша церква у варошу нє у даяким дворе, тиж же на нашей церкви щит збудовани на киблу. Розтолковала унукови же цо то кибла и гварела му як приклад же на церковним щиту єст таке як у валалє на щиту Кетелешовей содарковей хижи.

Вислухал унук як баба приповедала, та го и далєй цагало же би нашол церкву.

Баба му виприповедала и добре потолковала, та бул ище упартейши найсц грекокатоліцку церкву у варошу. Окрем же му баба гварела як церква випатра, гварела му же у церкви була и вона кед єй син, паноцец, праве у тей церкви окончовал длужносц пароха.

Идуцих дньох кед мал часу предлужел исц далєй по истей улїчки, по истим боку. На його вельке задовольство нашол будинок зоз киблу на щиту яки му баба описала. У облаку будинку писало же то Грекокатоліцка церква и кеди ше у церкви отримую богослуженя.

Найдзена церква спрам бабовей бешеди була наша церква. Бунєло го тото же чом на церкви пише же то Грекокатоліцка церква. За таку назву церкви нїґда пред тим нє чул, а можебуц и гей, алє нє замерковал.

Кед пришол дому побешедовал зоз оцом хтори му потолковал

же ми Руснаци, алє же нам вира грекокатолїцка, прето же зме католїки як и шицки други хтори припознаваю Римского Папу як нашого церковного поглавара, лєм же маме восточни обряд. Бул щешлїви же за кратки час од оца барз вельо нового чул и дознал, и намагал ше шицко запаметац.

О даскельо днї кед у школи бул геверни, а бул и час кед у нашей грекокатолїцкей церкви було богослуженє, та церква була одомкнута, до церкви пошол и вошол нука. Була то простория скапчана зоз двох преднїх хижох. У церкви були поскладани карсцелї як столки, стол бул положени як олтар, а около на мурох були повишани икони, святи слики.

Розпатраюци церкву бул сиґурни же ше находзи на правим месце, у нашей церкви. Поготов прето же препознал и паноца хтори бул парох у церкви и служел Службу Божу у ризох як и шицки нашо паноцове у церквох до хторих одходзел.

IV

ДАКЕДИШНЇ ОБАВЕЗИ

Дзеци часто знали вислуховац старших як приповедаю о чим ше нє шмело бешедовац пред дзецми. Та ше покрадзме и поцихи бешедовало и о „обавезох“ хтори пред нїх покладала теди новонастата социялистична держава и як ше людзе тому теди одуперали.

Такой, там якошик после Другей шветовей войни, вжиме пред Крачуном преширел ше по валалє глас же до валалу пришла народна власц зберац обавезу у викармених шудовох.

Єден ґазда мал лєм єдного шудова хторого рихтал заклац за Крачун. Жаль му було дац го им тераз такого викарменого и порихтаного за забивачку, та у тей хвильки, нє знаюци цо поробиц, вошол до кармика зоз ножом у руки и нагло штухнул до шудова. Шудовче ше у тей хвильки так злєкло же цо го то тераз знашло, же мирно стало док ше му крев по кармику розлївала. Кед конєчно спадло на жем, ґазда швидко пошол принєсц зольнїцу слами, зоз хтору прекрил шудова и виходзаци зоз кармика зохабел дзверка од кармика ширцом отворени, же би ше тоти цо ходза од хижи до хижи зазберовац шудови ошведочели же тот кармик насправди празни.

Кед тоти цо по валалє ходзели зберац обавезу конєчно пришли и до того обисца, прешли го и пошли зоз валалу. Ґазда мал бриґу же як тераз ошуриц и розобрац шудова пре допитого сушеда хтори знал часто, а нєнаявено приходзиц.

Понеже ше зберанє обавези збуло даскельо днї пред Крачуном, то добре пришло ґаздови обисца же би здумал на яки ше способ ошлєбодзиц допитого сушеда на даскельо годзини.

Кед сушед предвечаром пришол до ґаздового обисца, ґазда му предложел, понеже ше приблїжує Крачун, а його як уж старшого чловека боля ноги, чи би наютре додня рано могли вон и ґаздов син пойсц до лєса по кризбан, як цо то прешлих рокох ишли вони двоме. Сушед за себе у тим видзел чесц зоз собу водзиц младого сушеда до лєса одрубац древо за Крачун, та дзечнє пристал. Такой ше позберал дому же би за дня наоштрел шекеру и пилку хтору рано вежнє зоз собу до лєса.

Ґазда обисца ше цешел у тим же сушеда лєгко нагварел. Тераз лєм на тото требало порихтац и власного сина. Иншак би синови, кед би го дакадзи по роботи посилал, гуторел же єдна нога там, а друга назад. Тераз му наказал же би зоз сушедом до лєса ишол помали, з ноги на ногу, а кед же би го сушед можебуц спонагльовал, най му пове же уж барз вистал и же го боля ноги, та же нє може понагляц.

Син оца добре похопел, та ше драгом и розцаговал кельо лєм могол. У лєше вибрали древка, одпилєли их и поочисцали их од нєпотребних сподніх сухих конарох. Кед требало рушиц дому хлапец на другим концу лєса обачел як себе там хтошка припалює циґаретлу, та гварел сушедови же най попатри у тим напряме. Кед то сушед видзел та ше злєкол, думаюци же то там лєсар и же их вон тераз влапи и покаре за тото цо поробели и такой почал так сцекац же лєм. Хлапец ше здогаднул оцових словох же треба исц з ноги на ногу, та почал плакац и кричац за сушедом же го барз боля ноги та же вон нє може бегац. Сушед, гоч як ше бал од лєсара, заш лєм мушел причекац „вистатого“ сушедового сина и потим зоз нїм помали през хотар по дом исц.

Кед сцигли дому хлапцов оцец их задовольно дочекал и похвалєл их же яки барз красни ядловец принєсли. Хлапец бул задовольни же бул од оца похвалєни, а оцови анї нє було тельо до того ядловца, кельо бул щешлїви же ше на даскельо годзини ментовал допитого сушеда и у тим чаше у обисцу поробел тото о чим сушед нїяким концом нє шмел знац.

НЄНАЙДЗЕНИ ПИШТОЛЇ

Приповеда ше же дакеди шицка жем була оброснута як лєс. Людзе тот лєс керчели и там дзе викерчели, там себе стваряли орачу жем. На тей жеми шали цо требало, а и салаши себе там будовали.

Понеже нова народна власц, цо после войни настала, национализовала вельо жеми и шицки лєси, вецей ше нє шмело шлєбодно исц до лєса по древо.

Заш лєм, як знали вельо раз людзе повесц, же там иду зоз Божу помоцу, заш лєм ишли брац древа у прешвеченю же их там нїхто нє увидзи, бо лєсар сам нє може очувац таки вельки лєс. Знали часто повесц же лєс нє чува лєсар, алє го чува страх, а вони страху нє маю, та прето до лєса шлєбодно одходза рубац древа.

Єдного пополадня ґазда єдного обисца попрагал коня и на кочу ше зоз своїм сином одвезли до хотара и пошли до лєса, звалєли даскельо ценки, прости и длугоки древа. Потим их порезали на таку длужину яки им був длугоки коч. Наскладали их вец до драбин до коча и рушели през хотар дому.

Понеже теди на каждим полю дзе пред тим була кукурица тераз стали снопи кукуричанки, вони зашли на свойо польо, та на коч на древо накладли снопи кукуричанки же би ше древо у кочу нє видзело. Таки опаковани помали рушели дому и меркуюци же чи их можебуц дахто нє провадзи, же би их наостатку дахто нє зрадзел за тото дзе були и цо там робели.

Кед сцигли пред свойо обисце оцец застановел коч. Кед син почал сходзиц зоз коча же би отворел капуру, капура ше почала сама отверац. Кед дакус лєпше попатрели, капуру им отворел жец. Вон им у тей хвильки був найменєй потребни, прето же швекор знал же яки му жец и же би вон тоту тайну у карчми виволал першому хто би му там заплацел погарик палєнки. Кед угнали коч до двора и жец ше понукнул помогнуц им зруцац кукуричанку зоз коча, швекор почал йойчац же яки су обидвоме барз вистати и

гладни, та же муша чим випрагню конї перше пойсц нука єсц и одпочинуц ше.

Так и було, випрагали конї и уведли их до хлїва. Вошли потим нука вечерац, а понеже ше по вечери жец дому нє виберал, мушели зоз нїм у цмоти шедзиц.

Кед ше добре змеркло и жеца конєчно випровадзели, и ошведочели ше же справди пошол, замкли капурку. Тераз оцец гвари синови „Сину мой, тераз тото древо цо маме у кочу до рана мушиме поскривац, бо жец тераз кед пойдзе до карчми хто зна цо там наприповеда“.

Син ше оцови зачудовано опитал же дзе и як вон до рана дума у обисцу скриц тот коч древа. Оцец пошол ґу прощу цо опасовало їх двор и заграду, и почал од дроту одшивац здирвети слупи и вицаговац их зоз жеми. Синови наказал же би з ашовом пеширйовал уж иснуюци дзири и до нїх кладол слупи зоз коча. Кед тото так задумане поробели, над раном пошли спац.

Док син рано ище сладко спал, а оцец лєм цо станул накармиц конї, на капурки хтошка почал барз лопоциц.

Кед ґазда одомкнул и отворел капурку, пред капурку стали двоме народни милиционере зоз налогом за претресанє хижи, бо же у тей хижи єст поскривано оружия, а окреме пиштолї.

Ґазда зачудовани пре пиштолї, а знаюци же тото направел його жец пре заплацени даєден погарик палєнки хтори му вечар у карчми дахто заплацел, пущел милиционерох до двора, до хижи и до хлїва.

Кед милиционере вишли зоз хлїва, єден вжал видли, а други ашов и пошли джобац до гною и там глєдац пиштоль.

Потим походзели по цалим дворе, та и коло нових, вноци закопаних слупох, як и коло старих повиважованих, поруцаних на громади, та понеже нїґдзе нє нашли глєдани пиштолї, поганьбени пошли там одкаль и пришли.

Швекор после тей подиї ище лєпше знал же якого жеца ма и же убудуце муши ище баржей мерковац же цо и як роби и бешедує, и як ше пред нїм ма справовац.

ЯК ВЛАПИЦ КРАДОША?

У дакедишнї часи, кед у держави милиция порядок и мир чувала, у єдним валалє єдней ше ноци у стред тижня стала єдна крадза. Тей длугей єшеньскей ноци були покраднути кури з єдного худобного обисца. Худобни чловек тому нїч нє могол, могол лєм смутковац и Богу ше модлїц и наздавац же ше му о рок, док дойдзе до даяких курчатох, ознова таке дацо нє случи.

О тим цо ше вноци случело по валалє ше приповедало дзеньдва, а кед по уха людзох пришли нови вистки, на стари ше забувало.

Же би и тераз нє було так, о тидзень ше постарали крадоше, хтори ознова вноци, алє тераз на другим концу валала, ознова покрадли кури и знова од худоби.

Була позна єшень, ноци були длугоки, а електричней струї теди у валалє нє було, та вшадзи було цма.

По валалє знова рушела приповедка о покраднутих курох и о тим же як крадош може буц упарти у крадзи. Дзепоєдни ше питали, кед же є гладни, прецо же себе кури дома нє вихова як и шицки други людзе у валалє. Людзе ше у валалє побунєли, так же тоти приповедки дошли и по милицию у варошу.

Милиционере нєодлуга пришли до валалу, поприповедали зоз людзми и твардо обецали же крадоша пошвидко влапя.

После того дня, кажди дзень предвечаром двоме милиционере на бициґлох обишли валал, поприповедали зоз людзми, пожадали им добру ноц и потим ше врацели назад до варошу, а крадзи ше заш лєм и далєй повторйовали.

Раз так кед милиционере обишли валал, на виходзе з валалу єден з нїх гварел другому же у тей остатнєй хижи жиє його добри товариш Осиф, та же би го могли нащивиц. Вошли вони двоме до двора, дзе их на штред двора дочекала Веруна, Осифова жена. На питанє же чи дома Осиф, гуторела же є у байбера и же швидко придзе, та най го причекаю. Уведла их до приклєта и док го вони при лампи чекали, вона дробни дзеци укладала спац.

Кед ше Осиф врацел дому, милиционере у бешеди зоз нїм остали нєзвичайно длуго, скоро до пол ноци. Кед их Осиф випровадзел, рушели вони спрам варошу, а лєм провадзели же кеди Осиф за собу замкнє капурку.

Кед чули замок капурки, бициґли обрацели до другого напряму и пошли глїбше до валалу.

Док ше так по цмоти вожели по валалє, на єдним концу валала зачули же барз брешу пси. Рушели у тим напряме и нєодлуга стретли и влапели двох хлопох з полнима руками курох зоз позакруцанима шиями. Було очивисне же вони крадоше. Влапели их и по окончених процедури з нїма, людзом дате на знанє же крадоше влапени.

Понеже тоти хлопи були з валалу, людзе их добре познали. Бешедовало ше потим же людзе думали же то крадош даяки худобни и гладни бидняк, а кед наостатку то були хлопи зоз найбогатших обисцох у валалє. Вони тоти покраднути кури, як ше по-

знєйше дознало, ношели дому, їх жени их пообералі и наиходзацей соботи ношели на пияц до велького варошу дзе добре зарабяли на покраднутим од худоби.

СКРАВЕЦ

Як цо нєшка осмолєтка найосновнєйши ступень школованя, так то дакеди були обовязни штири класи.

После штвартей класи могло ше пойсц на висши школи, як цо то було учиц ше за учителя або паноца, потим ище и на даяке ремесло, а хто ше нє жадал учиц оставал дома робиц як параст.

Кед єдному оцови старши син закончел штири класи у валалє, опитал ше му же цо далєй жада робиц у живоце. Син му одвитовал же сце виучиц за паноца. Оцец пристал и послал го до жаданей школи.

Кед дороснул младши син, исте ше питал и младшому, же би випочитовал жаданє и того як и старшого сина хторого, по його жаданю, послал на високи школи.

Тот младши син нє мал таки вельки амбициї як старши, та пожадал буц скравец. Оцови тото одвитовало прето же дальши братняк його супруги був праве скравец. Такой ше ступело до прегваркох, та ше нєодлуга тот млади челєднїк нашол з гевтого боку Дунаю на школованю.

Там у майстра, а ґу тому и родзини, тому младому шеґертови нє було баш найлєпше. През тидзень барз вельо робел у ґазди и то нє лєм скравецку роботу, алє и шицко инше по обисцу, там и спал и костирал ше. Ґазда при костираню, понеже там вше було и цудзих людзох, пред нього кладол вельки фалат сланїни, же би тоти людзе то видзели. На тим истим вельким фалаце було на скорки означене же кельо шме зоз того фалата поєсц.

Кед би син два раз або три раз през рок и пришол дому, понеже то теди спрам дзецох родичи були барз строги, син оцови нє шмел повесц же як му то там у тей родзини учиц ше и школовац.

Оцец був любопитлїви же цо ше то там прейґ Дунаю у майстра родзини случує и як ше то там спрам його сина справую, бо обачел же му син у целу препада. Єдного рана понамирял статок и же би нїхто о тим нє знал, рушел пешо на драгу, бо ше то так дакеди путовало, та и прейґ Дунаю.

Кед там сцигол, почало ше змеркац. Точ кельо го корцело же як випатра живот його сина, хтори на тоту драгу кед був остатнї раз дома смутни рушел, стримал ше же би ше змеркло. Кед ше змеркло и настала цма ноц, станул под майстров облак и вислуховал. Кед там под облаком досц того чул и похопел же як ше то майстор, а ґу тому и родзина, витреса и виживює над його сином, вошол нука.

Кед го майстор видзел, почал ше оправдовац и поносовац шеґертовому оцови на свойого нєпослухного шеґерта. Оцец на тото змахнул з руку и гварел же под облаком досц того чул, а синови наказал же най ше пакує бо го такой енки водзи дому.

Приведол го дому и дал го до майстра Шваба же би му ту син закончел ремесло. Ту му син и закончел скравецке ремесло хторе барз любел цалого живота. Тому цудзому чловекови, Швабови, був барз подзековни и був щешлїви и задовольни у своїм дальшим живоце, а то дзекуюци самому Богу нєбесному же дал розум його оцови же би так покрадзме пришол до майстра и ошведочел ше до того же нє треба каждому вериц и на бриґу зохабяц свойо дзеци, та гоч то була и блїзка родзина.

ПАКЕТ З АМЕРИКИ

Шведкове зме вельких миґрацийох народу и миґрацийом ше у терашнїх часох вельо нє чудуєме. Миґрациї було вше. Кед людзе одходзели на таку далєку драгу приходзела их випровадзиц цала улїчка. Предали би хижу и жем хтору мали. Найнєобходнєйши ствари положели до куфрох и до коча, та рушали на далєку драгу до нового и нєпознатого живота. Часто то було до Америки або

до Австаралиї, як ше теди гварело, же одпутовали далєко прейґ велькей бари. Приповедало ше же на кораблю по тамаль буду путовац длужей од мешаца. Пойсц так барз далєко и то на цалком, нє одлучовало ше вельо людзох, алє их було.

По Другей шветовей войни на таку длугоку драгу пошла и єдна пара зоз дзецми. Кед ше змесцели у далєким швеце, постали свидоми же ше назад до старого краю роками, а можебуц и нїґда нє враца. Зоз родзину комуниковали прейґ писмох.

О даскельо роки пожадали ше своїх ближнїх, та их замодлєли же би ше повисликовали и послали им свойо слики до Америки.

Кед писмо у старим краю родзина достала и написане виразумела, пошли ше сликовац же би до Америки послали нови красни слики.

Братово дзеци ше пооблєкали до нового и найкрасшого рускего облєчива же би на слики цо красше випатрали. Так поробела и другого брата фамелия, а и фамелия єдней шестри.

Друга шестра послала слику фамелиї яку там уж мала. На нєй були шицки бидно пооблєкани и подло випатрали.

О даскельо мешаци братом и шестри хтори ше за сликованє порихтали и красни и нови слики послали, сцигло писмо у хторим нина написала же ше цеши же им добре идзе у роботи и ґаздованю, же ше знашли у живоце.

Шестри хтора до швета послала стару, гоч яку слику, сцигол вельки пакет, же би биней шестри и єй фамелиї дакус помогли.

Браца и шестра хтори ше нароком висликовали у новим рускім облєчиве хторе у орманє чували лєм за до церкви, же би нини нови красни слики послали, кед видзели же їх „бидна“ шестра достала пакет зоз Америки, гварели: „Лєпше би було кед би ше и ми за сликованє як жобраци пооблєкали, та бизме вец з далєкого швета тиж пакет достали!“

ЗВИШОК ШРУБИКОХ

Док ше на наших просторох ище з коньми орало, у заходней Европи ше уж модерно жило и вожело на автох. Єден наш школовани чловек ше на таки модерни живот спажерел, та нєодлуга пошол там и жиц, и пробовац як ше то там модерно и злагоднє жиє.

Понеже достал роботу же му требало каждодньово вельо путовац, та од перших заробених и достатих плацох купел авто. Вожел вон авто и кед раз, авто ше му погубел. Дошол вон якошик по перши севис и там ше попоносовал на авто же яка му хиба. Майстор го вислухал и гварел же то нїч нє страшне, та же го вон пошвидко оправи. Оправял майстор авто и нєодлуга, кед було шицко готове и авто добре гурчал, наплацел майстор за свою роботу, а на остатку дал власнїкови авта и полну гарсц шрубикох як нєпотребни звишок.

Власнїк авта попатрел на майстра и врацени звишок шрубикох, та ше му майстров поцаг нє пачел. Шенул до авта и роздумовал же як то може буц же му майстор авто оправел и авто ше добре справує, а тельо шрубики звишку зоз авта направел. Роздумрвал же цо направиц, та здумал же му тото нє пахнє на добре, та ше при першей сервисней роботнї застановел, побешедовал зоз другим майстром и замодлєл го чи вон може превериц чи його авто добре оправени.

Майстор пристал препатриц авто и кед го попрепатрал и розобрал, та ознова зложел, гевта од прешлого майстра гарсц шрубикох при тому другому майсторви щезла, прето же тот други майстор каждому зоз звишку шрубикох у авту його место пренашол.

О тим як прешол при майстрох власнїк авта вельо раз приповедал же при каждому ремеслу и майстор од майстра вельо розликує. Же єдни знаю направиц звишок шрубикох и авто оправиц, а други при оправяню авта знаю шицки шрубики на место положиц.

Так то нє лєм при майстрови хтори оправя авта, алє и при шицких других майстрох свойого ремесла хтори зна у каждей хвильки цо и як зробиц.

ПОЙДЗЕМ ЯК ВАМ

Збуло ше то у єдним валалє кед месна заєднїца на лицитациї попредала тополї коло калдерми на концу валала.

Чловек штреднїх рокох ше праве зберал до Служби Божей, бо була нєдзеля, кед му до обисца пришол млади сушед поволац го же би зоз нїм пошол на лицитацию. Дзень пред тим було буґнованє же будзе лицитация и же ше буду предавац тополї на концу валала. Чловек за лицитацию нє чул, алє кед бул поволани надумал пойсц зоз младшим сушедом, та кед ше му дацо уйдзе, будзе добре.

Кед сцигли, найдрагши и найкрасши тополї були уж попредани. Остали лєм тополї хтори нїхто нє сцел. Младши сушед ище уґрабел драгши прикладнїки, а старши купел два цалком ценки и ище три кус грубши за хтори ше нїхто нє однїмал, та их туньо достал. Дома гварел жени и синови як потарґовел. Гоч була нєдзеля пополадню, вон ше рихтал за ютре, за валянє топольох. Наоштрел ручну пилу зняту споза рога на пойдзе, наоштрел и шекери и положел их до прикоча.

На лицитациї було гварене же тот хто половку лицитованей суми виплаци у месним уряду, може купени древа валяц.

Рано станул та такой пошол до валалу и виплацел шицко нараз, а вец зоз сином шедли на трактор з прикочом и пошли валяц тополї. Кед сцигли, велї тополї були поваляни, прето же там були двоме челєднїкове з валалу, та валяли тополї зоз моторнима пилами.

Оцец и син кед видзели як ше модерно валяю древа зоз моторнима пилами, задумали ше же цо робиц. Ганьбели ше зоз коча зняц ардзаву ручну пилу, та ю цагац горе долу, а други же би ше на нїх припатрали. Оцец предложел синови же би ше пошол розпитац почим валяю и пиля древо, же би и вон станул до шора.

Кед син сцигол и почал ше розпитовац о пилєню, младши од тих хтори пилєлї тополї, кратко му гуторел: „Нє пойдзем вашо тополї валяц, як вам“. Цо могол млади челєднїк, лєм сциснуц зоз плєцами и врациц ше ґу оцови з полнима очми слизох и з питаньом: „Боже, цо же я горши од других.“

Вец вжали зоз прикоча ручну пилу, помали звалєли и попилєли два найценши тополї, покладли их до коча, та гайд дому.

Док пилєли ценши тополї, чули бешеду же хто нєшка нє повалял тополї, же наютре придзе чловек зоз сушедного валалу та будзе каждому валяц древа хто то будзе жадац. По дом чули и за єдного чловека зоз валалу же нєдавно купел мотрону пилу.

Вечар кед син одходзел до млєчари, зашол до спомнутого чловека розпитац ше и замодлїц, чи би могол присц и поваляц им тополї. Чловек му одвитовал же предал моторну пилу, а гварел и

кому.

Док син доволовал ґазду при замкнутей капурки дзе му поведзене, наишол єден чловек до млєчари и челєднїка хтори лопоцел до капурки и доволовал, наволал зоз накарадним меном и вигандровал го цо ше так надзера.

Хлапец ше позберал, та скоро плачуци пришол дому, питаюци ше сам себе же цо згришел же ше шицки на ньго так витресаю.

Югредзень оцец го послал же би при нєповаляних топольох чекал чи дахто придзе валяц тополї, же би их поволал же би и им тополї поваляли. Чекаюци, а нє знал анї кого, зоз роботи наишол на моторки чловек до хторого прешлого вечара при капурки доволовал. Становел го и виприповедал му шицко спомнуте. Чловек хлапца вислухал, та му, сануюци го, гварел же моторну пилу лєм нєдавно купел, же нє зна з ню робиц, лєм тельо же ю зна запалїц, алє кед така ситуация, же придзе поваляц тополї о пол годзини. Ґу шицкому наглашел: „Як вам“.

Насправди, нє ясне як иста особа може дакому буц бридка, а другому мила и же ше може повесц: „Нє пойдзм як вам“ лєбо „Пойдзем як вам“.

РУСНАК ПРИ ШОКЦОХ

Раз ше єден школяр, Руснак, хтори бивал на валалє, уписал до стреднєй школи до дакус векшого городу. Од малючка знал же хто є и цо є, и вше бул у добрих одношеньох зоз шицкима людзми.

З тей нагоди ше нашол у штредку дзе людзе за себе гуторели же су Шокци, а дома бешедовали по горватски. Медзитим, його парняки у класи нє знали цо то значи буц Руснак, та им вон то дзечнє толковал.

Практичну наставу робел у єдним тарґовинским подприємству. Там тиж без ганьби гварел же хто є, цо є и одкаль приходзи.

Найчастейше робел у маґазинє на пакованю рижних продуктох. Там знал и зашпивац по руски, а тоти цо з нїм робели любели слухац його шпиванє, гоч го и нє розумели. Часто ше му о Руснацох койцо и випитовали, а вон им толковал кельо знал. Медзитим, вон нє знал же вони тото цо пред нїма приповедал похопйовали як на часц руского фолклору, а цо им шпивал вони похопйовали як даяки церковни шпиванки рускей вири. Вони нє похопели же руски язик живи язик на хторим Руснаци дома у фамелиї и у валалє каждодньово бешедую.

У валалє дзе школяр бивал було надосц Українцох, та ище кед бул мале дзецко зоз нїма ше бавел, та часточно научел и тот язик. Гнєтка ше як Руснак знал стретнуц и зоз Словацами, и цешел ше же их барз добре розуми и зоз нїма може крашнє побешедовац. Так одрастаюци анї себе нє могол задумац же би дахто його шпиванє прилапял як церковну, а нє народну шпиванку.

Єдного дня, кед ше на практичней настави шпотал коло роботи пакованя овоци и рижней другей ринфузи, пришол єден зоз шефох и поволал го же би пошол зоз нїм монтирац нови дзецински бициґлочки хтори требало цо скорей виложиц за предай. Тота робота му нє була чежка, поготов прето же дома монтирал вельки бицигли, а як би вец нє знал намонтирац дзецински бициґлочки. Зохабел го шеф самого и пошол по другей роботи. Кед о годзину лєбо кус познєйше пришол и кед видзел кельо вон того поробел, барз го хвалєл же як му крашнє идзе робота. У тей хвильки прибегла задихана єдна з касиркох и поволала шефа же би швидко пришол на касу, бо на каси настал проблем. Нє могла ше згвариц зоз муштерию.

У тот час у краю було досц Полякох хтори ту приходзели пре подли живот у Польскей. Вони ту приношели рижни продукти и предавали их на пияцу по вигодних ценох, та заш лєм мали досц заробку.

Школяр Руснак посумнял же муштерия хтору нє розумя, же то нїхто други, лєм даяки Поляк, та рушел за касирку и шефом. Так и було.

Слухал при каси муштерию цо шефови приповедала и добре похопел цо сце, та ше вец умишал до бешеди. Школяр шефови гварел же най го пущи напредок, же вон будзе зоз тима людзми бешедовац. Кед му шеф дошлєбодзел, школяр ше озвал ґу Поляком по руски. Поляци ше на руску бешеду нєсподзивали, та з олєгчаньом похопели же ше тераз з даским годни згвариц. Швидко ришени проблем та шицки були барз задовольни.

Шицки школярово предпоставени, як и парняки хтори були присутни, зоз запрепасценьом патрели и питали ше му же на яким ше язику так крашнє згварел зоз Поляками. Вон им одвитовал же ше з нїма згварел на своїм мацеринаским, руским язику.

Школяр аж теди зоз їх бешеди и питаньох похопел же вони думали же буц Руснак значи мац руску виру, а же дома бешедує як и вони шицки, по горватски.

О тей події дознали и професоре у школи, та го и на родительскей схадзки похвалєли. Йому то нє було нїч окремне бо од малючка як Руснак розумел скоро шицки славянски язики, а же є Руснак цеши ше и нєшка, и будзе му мило же є Руснак док го єст.

РИЖНИ ВАЛАЛСКИ ДОЖИЦА

У дакедишнї часи людзе ше намагали же би ше цо менєй койчого до обисца куповало, алє же би ше векшину випродуковало дома, а звишок попредало на пияцу.

Ремеселнїки свойо продукти продуковали дома и жили од преданого. Попри роботи случовали ше им и рижни дожица хтори ше вец роками потим преприповедовали.

* * *

Дакеди у валалє през лєто озда найцикавше було там дзе ше пекла палєнка. У валалє теди було лєм даскельо казанї за печиц палєнку, а вельо тих цо ю жадали печиц, та ше вец палєнку пекло

и воднє и вноци. Вельо раз ше бачикови Михалови питали, понеже був уж стари, же чи тото йому таке барз потребне же би часто и зоз пиянима там при казаню препровадзовал ноци и ноци попри дньох, як даєдни знали повесц, лєм за тоту литру палєнки по упеченим казаню при хторому требало дежурац и мерковац цали час. Поготов кед тот чловек цо пекол палєнку був даяки нєуки коло тей роботи и попри того кед ше и сам напил. Ґазда казаня знал так одповесц „Е, мили мой сину, то нє пре хасен, то пре любов“. И робел далєй по своїм, а найбаржей прето же його двор був под час цалого лєта центер рижних найновших информацийох о подїйох зоз блїзшого и дальшого околїска.

Пре дружтво хторе ше там сходзело, то було теди, як бизме тераз гварели, яґод даяки директни пренос даякей значней подїї у валалє, дзе людзе окрем печиц, дзекеди ишли и задармо покоштовац дачию палєнку и попри того купиц лєбо попредац валалски сплєтки, хторих по местох дзе жию людзе нїґда нє хибело, поготов кед ше там ище и зогривало зоз цеплу, зоз казаня насипану палєнку як олдомашом.

* * *

Окрем при казаню, дзе ше хлопи зазберовали кед тому була рочна сезона, знали ше стредами и соботами зазберовац и у валалского байбера. Байбере хторих було и вецей у валалє, стредами и соботами додня рано ходзели бритвиц по обисцох свойо стаємни муштериї, а пополадню до позного вечара байбере чекали муштериї хтори ше сцели обритвиц и оштригац у байбернї.

До байберового мигелю вечаром муштериї приходзели обритвиц ше и оштригац, алє були жадни и розваги и бешеди, а дзепоєдни и полни зоз рижнима идеями од хторих нє мали нїякого хасну, а же би их у байбернї за нїч попредали и нови рижни идеї и приповедки тиж так за нїч у байбера купели. Кед ше медзи нїма нашол дахто нєкаждодньови, вец би и його вжали на „зуб“ и тельо го провоковали же би ше вон, кед тото нє знал прилапиц як франту,

гнєтка нашол змаловажени, та и заплакал, а вони ше вец сладко з нього шмеяли.

Так раз, кед мац всоботу вечар послала свойого сина оштригац ше до байбера, док го байбер штригал, дзепоєдни ше до нього и задзерали. Гоч ше на тих допитих дїдох цо чекали шора нагнївал и лєдво чекал же би цо скорей бул готови, сцерпезлїво чекал конєц штриганя, бо знал же му на концу байбер напахняци власи.

Кед го байбер оштригал и почал му пахняциц власи, вон ше побунєл же штриганє ище нє готове, понеже му чулка була нєдосц скрацена. На тото му байбер почал толковац же ше то таке тераз ноши, та же то тераз таке у моди: „Ша яки же то ти леґинь без чулки будзеш?“ Байберови тото потвердзели и други муштериї цо там чекали шора.

Хлапец ше зоз тим нє сцел зложиц, та гварел перше цо му спадло на розум: „Шмейце ше ви тераз ту кельо лєм сцеце, алє знайце же Вам я, пан байбер, кед ми чулку нє скрацице, анї за цале штриганє нє заплацим,“ и швидко станул зоз карсцеля. Гоч ше на тоту хлапцову одлучносц бачикове наглас шмеяли, байберови нє було шмишно, прето же видзел же останє без динарчкох заробених за штриганє, та пристал тому нагнїваному хлапчикови скрациц чулку по його жаданю же би достал уж заробени пенєж.

* * *

Раз так кед байбер пошол обритвиц єдного дїда дому, та док го байбер бритвел, дїдо байбера понукнул зоз палєнку. Вон на тим подзековал. Потим му дїдо почал хвалїц нове, хторишик дзень направене вино. Байбер и тото одбил. На концу го дїдо понукнул зоз вишньовим соком. Байбер тото пристал попиц. Раховал байбер же ше од вишньового соку нє опиє, а сладке му теди и жадало, окрем того и прето же ше у тедишнї часи дачого сладкого по обисцох барз мало пило. Понеже у тедишнї часи цукер бул драги, куповало ше го тижньово на ферталь кили. Дїдо нє знал же чи тот сок уж розправени зоз воду чи нє, та байберови насипал полни канчов

такого нєрозправеного соку. Байбер ше нє одмагал, та тото слатке одразу попил. Тото слатке ше му попачело, та на одходзе пристал попиц ище раз. Потим пошол бритвиц далєй по валалє. Нєодлуга после даскельо хижи достал таки болячки у жалудку, а потим и преганячку, же нє могол закончиц бритвенє за тот дзень, та пошол дому.

Кед пришол други раз до того дїда, опитал ше му: „Дїду, зоз чим сце мнє остатнї раз понукли пиц, же сом таки вельки болячки у жалудку и преганячку достал?“ Дїдо на тото одповед же зоз соком зоз вишньох. Баба ше на тото навязала бранїц дїда же дїдо за тото нїч нє виновати, прето же нє знал же то нє бул сок, алє сируп зоз вишньох хтори требало ище зоз воду розправиц, та ище ґу тому доложела: „Ша кед сце таке и попили, остали сце живи, пан байбер.“

* * *

У скравцох ше тиж так случовали рижни подїї котри ше длуго паметали и преприповедовали. Раз єден леґинь до майстра скравца принєсол красни белави штоф и фалат такого истого, алє жовтей фарби. Майстрови винєсол свой план же яки би вон панталони сцел, цо, дзе и як поукладац и опитал ше же чи то мож так. Майстор го вислухал и понеже му було до заробку, потвердзел же то мож так. Ґу тому, муштерия принєсла и „позлацени“ ґомбички и ланцущки хтори требало зашиц там дзе муштерия пожадала. Кед тот леґинь однєсол тоти нови зошити панталони од майстра и попишел ше у нїх по валалє, велї леґиньчкове заходзели до того майстра шиц рижни видумовни панталони.

Майстор мал и малого сина хтори шицко тото любопитлїво патрел и помали учел яки то ма буц чловек кед сце буц почитовани и людзом на услуги. Часто ше зоз тим малим хлапчиком муштериї знали на посцелки при руским пецу у мигелю и нашалїц, а и побавиц ше зоз нїм док чекали и пробовали позошиване.

Так раз кед двоме хлапчиска на моторкох пришли пробовац

нови панталони, гоч им ґаздиня гварела же най ше нє зобуваю под конком, вони ше заш лєм зобули и вошли нука, бо нє сцели порипац швижо обцагнуту просторию. Док вони пробовали панталони, попри нїх ше шпотал и скравцов син хтори любел кед им дахто пришол. Док скравец виправял дробни нєдостатки после проби панталонох, спред дзверох щезла обуй, цо ю хлапчиска позобували. Ґаздиня, кед видзели же япанкох пред дзверми нєт, посумняла на малого сина, та го гандровала и поганьбена глєдала обуй вшадзи по дворе, хторей нїґдзе нє було. После длугшого глєданя обуй найдзена у шопи под древеним кочом, а виновнїк за тото було щенє хторе ше бавело и так поскривало япанки.

* * *

До того истого скравца часто доходзел и єден старши чловек, и док чекал же би го скравец послужел и зошил му даяку дробнїцу цо требало, шедал би на посцелку при пецу, дзе ше бавел скравцов син.

Раз тот хлапчик окрем того же ше бавел, єдол и бомбони. Тот бачи кед видзел же хлапец є бомбони, та ше озвал ґу хлапцови же цо то вон роби, а хлапец му одвитовал же є бомбони. Бачи такой потим гуторел же вон тото роби иншак, же вон є паперики з бомбонох, а бомбони же руца, бо од бомбонох повипадую шицки зуби. Нєодлуга пошол. Хлапец тото озбильно похопел же бачи є паперики, та кед убудуце єдол бомбони, вон шицки паперики одкладал назад до мещка и чувал.

Кед тот бачи пришол до майстра по готови панталони, хлапец му штурел до кишенки мещок полни зоз папериками. Кед тото хлапцово родичи видзели барз хлапчика гандровали. Бачи ше на тото нашмеял, та гварел скравцови и його жени: „Нє гандруйце го, вон ище мали, а я за тото виновати, та цо сом заслужел тото сом од нього и достал.“

xxx

Ей, були то кедиш красни часи, а тераз ше шицко тото спомнуте у тей приповедки наспак пременєло.

Млади хлопи вецей палєнку при казаню нє пию, алє ше млади у кафичох и бифеох зоз коняками, виняками и якимашик там бамбусами ноцами наліваю. Байбера у валалє нєт, а и у варошу дзе их и єст, тераз млади ридко заходза бо им байбере нє требаю прето же ше сами бритвя, а гнєтка и длугоки власи ноша лєбо ше на лисо сами дома штригаю.

Цо ше облєканя дотика, гоч стари скравци помали поумерали, младим ґенерацийом вони анї нє требаю, прето же ше терашнї млади у бутикох облєкаю и таки пооблєкани випатраю як дакедишнї сирени зоз сказкох, по пас су пооблєкани у красних кошульох зоз ище красшима машлями и триковами по остатнєй моди, а од пасу на нїжей здабу, як сом уж спомнул, на гевти сирени зоз дакедишнїх сказкох, лєм же тоти пооблєкани у вилєзнутих и поштриганих фармеркох хтори на сиреново пирка здабу.

Прето ше часто медзи терашнїма живима людзми и гутори же би ше велї тедишнї людзе у терашнїх условийох живота нє знали анї знайсц, кельо ше того на тим нашим швеце пременєло од дня їх шмерци по нєшка.

З правом вец и на єдним памятнїку на теметове положеному свойому любеному дїдови унук написал: „Мой дїдо пошол на голубовим кридлє до просторох дзе иду паворе, там дзе ше били хлєб є и дзе ше нє оре.“

РЕЦЕНЗИЯ

Желька Гаргайового пазнал сом од дзецинства. Бул то єден барз добри и вредни чловек. У живоце часто наиходзел на рижни почежкосци и препреченя, алє ше нїґда нє дал и вше шмело партел и крачал напредок. Кед почал писац и у Новей думки обявйовац свойо приповедки, вше сом их дзечнє пречитал и зоз часом полюбел. Пачели ше ми. Прецо ше ми пачели? Прето же тото цо вон писал шицко брал зоз народу. Записал тото цо чул и видзел о людзох зоз Петровцох и других руских валалох.

Мнє ше барз пачи же вон то винєсол зоз своїма словами барз крашнє, нєнападно и нєнапарто, алє зоз єдним нормалним словнїком, з обичну народну бешеду. Вон то писал єдноставно, нє як даяки писатель, алє як чловек зоз народу хтори винєсол свойо дожице и тото цо од дакого чул з народу и записал на папер так як чул, видзел и дожил у своєй души.

Желько бул чловек хтори бул Руснак, як ше гвари, од малого пальца по власи, на шицки боки и по шицких питаньох, а насправди так и жил. Друга ствар, вон нїкому нїч нє замерал, єдноставно любел свойо и почитовал цудзе. Так сом го вше и похопйовал кед сом зоз нїм бешедовал.

То єден чловек хтори нас вельо задлужел. Без його присуства велї нашо бали були би охудобнєти. Знаме же любел приходзиц на бали. Барз любел шицко цо руске и теди кед би ше думало же пре хороту нє годзен присц, вон пришол. Дружел ше зоз нами шицкима, любел патриц як други уживаю, гоч ше часто лєм зоз боку припатрал. Любел пойсц и на други манифестациї, а окреме на „Ружову заградку“ до Нового Саду. Шицко то любел провадзиц и уживал у тим.

Кельо знам, бул длугорочни и єдини заступнїк Руского слова

у Републики Горватскей. Роками набавял и предавал руски календари и други виданя по руски. Його улога була велька, як цо Горвати гваря, „споза зависи“. Нє було го видно, алє був чловек хтори робел вельо того.

Дружтво ше меняло, алє вон ше прилагодзовал шицкому. Гоч мал уж прейґ пейдзешат роки, научел хасновац рахункар и то барз добре звладал од самого початку. Нїхто му то нє указовал, шицко сам звладал, так же го могол нормално хасновац, и то нє лєм за писанє, алє и за послац пошту, пречитац лєбо послухац дацо, и таке цо за його роки ридко хто сце. Був чловек хтори ше менял у складзе зоз дружтвом, жадал исц напредок и шицки пременки прилапйовал.

Думам же тото написане слово барз вредне. Можебуц ше ту може и дакого препознац, гоч мена углавним нє спомнути, або кед ше их и спомина вони нє прави, алє видумани. То нароком же би ше дахто пре дацо нє нашол увредзени. Главне повесц же тоти и таки особи справди жили.

Ми зоз нашима животами пишеме историю, а Желько записал єдну єй часц, та кед вона дакого цикави, може ю пречитац у тих приповедкох хтори щиро препоручуєм за читанє.

Зденко Бурчак

БИОҐРАФИЯ

Желько Гаргаї народзени 15. априла 1963. року у Вуковаре. Одроснул и цали свой живот препровадзел у Петровцох. У родним валалє закончел нїзши класи основней школи, висши класи у вуковарскей школи „Други конґрес КПЮ“, IX и X класу (Шуварова реформа) у Борову Населєню, а стредню тарґовецку 1982. року у Винковцох. Бул заняти у вуковарским тарґовинским подприємству „Велепромет“. Пре хороту 2002. року пошол до скорейчасовей пензиї.

Желько Гаргаї длуги роки бул єдини заступнїк Руского слова у Републики Горватскей. Тиж так бул сотруднїк Руского слова, Новей думки, Думкох з Дунаю и Христянского календара. Бул залюбени до рускей писнї и руского слова, та писал приповедки хтори чул од других або их сам дожил у своїм живоце, а опробовал ше и у писаню стихох.

Желько Гаргаї после чежкей хороти умар у вуковарским шпиталю 19. авґуста 2021. року. Поховани є на грекокатолїцким теметове у Петровцох.

Змист

I

Бриґа пре длуство 6
Нєстварна стварносц 7
Бриґа у обисцу 10
Сучасна сказка 12
Мойо, твойо и нашо дзеци 18
Скруц на лїво, тамаль польо 20
Осушене квеце у облаку 24
Любопитлїви браца 26
Пил гориво зоз трактора 29
А цо вас бриґа 31
Одпочивок при палєнки 33
Бавме ше же зме вельки 35
Нє меняц нину и андю 38
Дарунок даровани, нє бануй за нїм 41
Цегла за под главу 44
Ви 46
Ти скуб єдну, а я будзем скубац другу гуску 47
Пуканки 48
Одала ше широтка 50

II

Нєзаобидзена судьба 52
Зоз чарним записане на билим муре 54
И други там шпя 55
Явна хижа 56
Штварти син 58

Велька зависц 60
Кого випровадзим, пожичене ми нє враци 62
Рейтеши зоз посцелї 64
Як визнац хто крадош? 66
Кенґурово месо 68
Розваляни хотарски салаши 71
Од єдного єдзеня сом сцекол, а на исте сом натрафел . . . 74
Карбуратор 76
Шори кукурици 76

III

И Петровци дакеди мали водицу 79
Як здравкац паноцови 81
Кресна мац 84
Посне швето 85
Кара за грекокатоліка 87
Хто як колядовал 89
Руснак у души 92
У церкви, а нє нашей 94

IV

Дакедишнї обавези 97
Нєнайдзени пиштолї 99
Як влапиц крадоша? 101
Скравец 103
Пакет з Америки 104
Звишок шрубикох 106
Пойдзем як вам 107
Руснак при Шокцох 109
Рижни валалски дожица 111